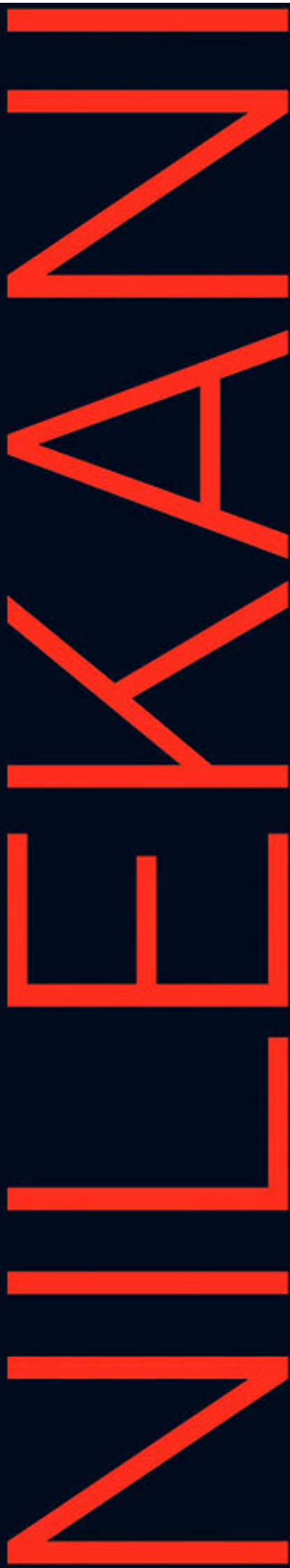

Нандан Нилекани

ОБРАЗ НОВОЙ ИНДИИ

эволюция
преобразующих
идей

СКОЛКОВО

Нандан Нилекани

**Образ новой Индии: Эволюция
преобразующих идей**

«Альпина Диджитал»

2008

Нилекани Н.

Образ новой Индии: Эволюция преобразующих идей /
Н. Нилекани — «Альпина Диджитал», 2008 — (Сколково)

Эта книга об Индии, ее проблемах и перспективах. Нандан Нилекани, сопредседатель совета директоров крупнейшей индийской софтверной компании Infosys Technologies Ltd., увлекательно и непредвзято анализирует экономику, политику и культуру своей страны через призму фундаментальных идей, которые определяли ее облик в прошлом и определяют его в настоящем. Индия претендует на роль глобальной державы, однако до сих пор не может полностью реализовать свой огромный потенциал. В книге раскрывается картина идеологической борьбы вокруг кастовых проблем, вопросов высшего образования и реформирования трудовых отношений. Адресована бизнесменам, экономистам, политологам и всем тем, кого интересует настоящее и будущее Индии.

© Нилекани Н., 2008

© Альпина Диджитал, 2008

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
Предисловие	9
Образ новой Индии	12
Другая точка зрения	14
За пределами бизнеса	16
О чем помнил Неру и что он забыл	19
Первые трещины	22
Робкие надежды	24
Карты на стол!	27
Развитие страны и информационные технологии	30
Власть народа	32
Время настало	33
Навстречу своим возможностям	34
Часть I	36
Идеи, получившие признание	36
Народ Индии	38
«Миллионы в муравейнике»	38
Чик! – и готово...	40
Разные судьбы	41
От помехи к преимуществу	42
Дивиденды автократии против дивидендов демократии	45
Судьба Индии: демография плюс демократия	47
Индийский «двойной горб», или Наш демографический «верблюд»	48
Перед закатом	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50
Комментарии	

Нандан Нилекани
Образ новой Индии: Эволюция
преобразующих идей

Нандан Нилекани

ОБРАЗ НОВОЙ ИНДИИ

Эволюция преобразующих идей

Перевод с английского

СКОЛКОВО
Московская школа управления

Переводчик *О. Дахнова*
Редактор *В. Ионов*
Руководитель проекта *Е. Гулитова*
Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректор *Е. Чудинова*
Компьютерная верстка *А. Абрамов*
Дизайнер *С. Прокофьева*

© Nandan Nilekani, 2008

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина», 2010

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

*Посвящается Нихару, Джанхави и Рохини.
Вы – моя опора*

Предисловие к русскому изданию

Для нас особенно приятно впервые выпустить книгу Нандана Нилекани «Образ новой Индии» на русском языке. Не только потому, что читать эту блестяще написанную книгу – большое удовольствие, которым хочется поделиться с русскоязычными коллегами и друзьями. Не только потому, что Нилекани – человек, который вместе с небольшой командой партнеров с нуля создал одну из крупнейших в мире корпораций в области информационных технологий и достоин служить примером для подражания для студентов нашей школы. Но и потому, что произошло это в Индии. Наряду с Китаем и Россией, Индия – одна из тех быстроразвивающихся стран, которые в наши дни стали двигателями мирового экономического роста и которым мы в СКОЛКОВО уделяем особое внимание.

Головокружительный успех индийской ИТ-отрасли демонстрирует, что лидирующие позиции в новейших, наиболее высокотехнологичных сферах экономики вовсе не привилегия наиболее богатых стран. Напротив, именно в наиболее бурно развивающихся отраслях новые компании, грамотно использующие свои «врожденные» преимущества в глобальной конкуренции, зачастую имеют больше шансов быстро выйти на первые роли. От того, смогут ли российские и индийские предприниматели воспользоваться этими шансами на новом витке посткризисного развития, зависит будущее обеих стран.

Для многих российских читателей станет открытием то, насколько роднят Индию с Россией не только амбициозные планы развития, но и общие проблемы, в частности социалистическое прошлое и исторически укоренившаяся неприязнь к предпринимателям. Опыт Индии показывает, однако, что эти трудности преодолимы, что предприниматели могут стать подлинными лидерами не только в собственном бизнесе, но и в обществе в целом. Ключевая роль в этом процессе принадлежит им самим. Активный и конструктивный интерес со стороны предпринимателей к широким общественным проблемам, таким как образование или инфраструктура, совершенно необходим для их решения. Именно такой интерес привел и к созданию Московской школы управления СКОЛКОВО, и к созданию этой книги.

*Вилфрид Ванхонакер,
декан Московской школы управления СКОЛКОВО*

Предисловие

Каждый раз, когда я бываю в Индии, меня спрашивают о Китае. Стоит мне приехать в Китай, как начинают задавать вопросы об Индии. Какой из этих растущих гигантов окажется впереди?

На подобные вопросы я всегда отвечаю одинаково: Индия и Китай – это две широкие автомагистрали, и над каждой висит большой вопросительный знак. Китайское шоссе – идеально ровное, вдоль него тянутся тротуары, оно отлично освещено и имеет четкую разметку. Картину портит лишь одна деталь. Вдалеке маячит щит с надписью «политическая реформа», а под ним притаился «лежачий полицейский». Рано или поздно машина, везущая 1,3 млрд пассажиров со скоростью 130 км/ч, налетит на препятствие, и тогда возможны два варианта развития событий. Она подпрыгнет, ударится об асфальт, а водитель и пассажиры начнут переглядываться и спрашивать друг друга: «Вы целы? Не ушиблись?» Но все кончится хорошо, и машина поедет дальше. Однако не исключено, что после подобного кульбита у машины отвалятся колеса. Чем это обернется для Китая? Трудно сказать, но я верю в лучшее. От этого зависит стабильность во всем мире.

Индийское шоссе тоже широкое, только местами на нем попадаются ухабы, тротуары есть не везде, многие фонари не горят, разметки не видно. Движение довольно хаотично, но транспорт все же идет. Однако взгляните – у горизонта индийское шоссе, похоже, превращается в прекрасную шестиполосную автомагистраль с отличными пешеходными дорожками, ярким освещением и четкой разметкой. Что это, мираж или настоящий оазис? Реализует ли когда-нибудь Индия свои перспективы или же так и будет гнаться за ними и дразнить нас своим гигантским потенциалом?

Мой друг и учитель Нандан Нилекани твердо убежден, что это будущее – не мираж. Он такой же оптимист, как и я, причем убежденный оптимист. Правда, его оптимизм относится главным образом к будущему его страны. Известный специалист по проблемам окружающей среды Дана Медоуз сказала однажды о будущем нашей планеты: «Это не судьба, а выбор». По мнению Нилекани, ее слова в полной мере относятся и к Индии. Эта книга – яркий, увлекательный, смелый и убедительный аргумент в пользу того, что Индия и ее друзья должны найти правильное решение и не покоряться судьбе.

Вряд ли кто имеет большее право приводить подобные аргументы. В мире не так много людей, которых называют по имени. В Кремниевой долине это Стив по фамилии Джобс. В Сиэтле – Билл по фамилии Гейтс. В Омахе – Уоррен по фамилии Баффетт. А в Бангалоре – Нандан по фамилии Нилекани.

Нандан был одним из основателей компании Infosys Technologies Ltd. Она находится в Бангалоре, называемом индийской Кремниевой долиной, и такие компании, как Infosys, Wipro и Tata Consultancy Services – это индийские Microsoft, IBM и Sun Microsystems. Чем уникален Нандан? На мой взгляд, тем, что он мастер объяснять. Конечно, Infosys была создана с нуля и достигла мирового уровня благодаря Нандану, его коллегам и легендарному президенту компании Нараяне Мерфи. Однако причина популярности Нандана кроется в его способности не только писать компьютерные программы, но и показывать, насколько они соответствуют последним веяниям в сфере информационных технологий, как эти веяния преобразуют информационные технологии, как, в свою очередь, эти преобразования влияют на мировую политику и экономику и, наконец, на судьбу Индии. Именно ему принадлежит идея о том, что современные технологии выравнивают поверхность глобального «игрового поля». Под ее влиянием я написал свою книгу «Плоский мир» (The World is Flat). Умение Нандана объяснять нигде еще не проявлялось так ярко, как в этой его первой книге.

В ней подробно рассмотрены положение Индии в настоящий момент и возможные направления ее развития, но этим автор не ограничивается. Он предлагает соотечественникам и американским друзьям Индии увидеть и реализовать другое будущее страны, отказавшись от компромиссов с политиками и чиновниками, поскольку эти компромиссы – ничто в сравнении с талантом и творческим потенциалом индийского народа. Нандан знает, каких успехов удалось добиться индийским предпринимателям без помощи правительства и даже несмотря на обструкцию с его стороны и политическую дисфункцию. Он знает, какой энергетический потенциал несет в себе молодежь страны. И на каждой странице я читаю между строк: «Если бы наша политическая система обладала такой же энергией и волей, *Индию невозможно было бы остановить*. Страна стала бы ровным шестиполосным шоссе». Он совершенно справедливо полагает, что, несмотря на долгую историю Индии и ее масштабы, страна только приступает к реализации своего потенциала.

Представление о взглядах Нандана дает следующее высказывание: «В эпоху обретения независимости индийские лидеры шли впереди народа. Создание новой, светской демократии с закрепленным в конституции всеобщим избирательным правом, было решительным шагом правительства в нашей доверчивой, но не склонной к компромиссам стране. Прошло 60 лет, и роли поменялись. Люди обрели уверенность и достигли звезд, а индийские лидеры стали робкими и нерешительными. Наша политика превратилась в тактику и утратила видение перспективы, а у нынешних руководителей, как подчеркивает Монтек¹, наблюдается “сильный уклон в сторону слабых реформ”».

Нандан неустанно напоминает нам, что индийская экономическая революция, начавшаяся в 1990 г., является «народной» по своему характеру. За последние 60 лет это была самая крупная и мирная революция. Ее значение недооценили, поскольку она происходила медленно и без потрясений. Люди не рушили стены, не свергали монархов. Но эта революция заставила общество отказаться от тяжелого наследия, от полувековых оков призрачных надежд и навязанных сверху бесплодных экономических идей. Вместо этого она предложила ему воспользоваться собственной энергией и безграничными возможностями. В этот процесс были вовлечены не только такие известные разработчики компьютерных программ, как Нандан, хотя он и его соратники и были застрельщиками. Они смогли показать людям их возможности. За ними последовали фермеры, потребовавшие, чтобы в школах ввели преподавание английского языка, и матери, выкроившие деньги на достойное образование детей в местных колледжах, и дети, работавшие по ночам в колл-центрах на телефоне, а днем учившиеся в бизнес-школах – Бог знает, когда они только спали! Автором этой революции была молодежь. Она появилась, когда эпоха Неру закончилась, и отказалась принять предписанные ей роль и место в жизни. Вот в чем сила этой народной революции, и вот почему Нандан называет ее необратимой.

Эта книга, конечно же, не обходит молчанием такие вопросы, как глубокое имущественное неравенство и дефицит рабочих мест. В ней говорится, что для «претворения хороших идей в жизнь нужны смелость и оптимизм, и нельзя поддаваться мнимому обаянию идей неудачных». Важно действовать. Нандан утверждает: одного правильного понимания идей мало, надо уметь их принимать. Но и этого мало: идеи надо правильно применять. Однако этого тоже недостаточно: идеи надо постоянно пересматривать и временами подправлять, и тогда мы сможем увидеть, что работает, а что нет.

Книга Нандана Нилекани и сама его жизнь – это доказательство того, что во многих отношениях и во многих областях обновление Индии уже произошло. Он утверждает, что новая Индия теперь присутствует в бизнес-сообществе. Она заметна в кампусах колледжей. Она пришла во многие деревни. Она проявляется во многих школах. Но достигнут ли изме-

¹ Монтек Сингх Алувалья – выдающийся индийский экономист и политик. – Прим. пер.

нения критической массы, распространятся ли вширь и вглубь и превратят ли страну когда-нибудь в гладкую, ровную автомагистраль, или Индии суждено вечно оставаться на обочине?

Оптимизм Нандана лишен наивности. Автор прямо говорит, от чего зависит будущее. Оно требует, чтобы правительство Индии руководствовалось теми же интересами, что и ее народ, чтобы оптимизм молодежи передавался политикам, чтобы чиновники поддерживали новаторство предпринимателей и чтобы примером творческой активности и энергии для руководителей всех рангов – от губернаторов штатов до правительства – служили их собственные дети и, на мой взгляд, Нандан Нилекани.

Томас Фридман

Вашингтон

Ноябрь, 2008 г.

Образ новой Индии

Заметки нечаянного предпринимателя

«На территории Infosys хорошие дороги. Почему же они так ужасны в других местах?» – мой гость ждал ответа. Я только что изложил свое мнение о том, почему Индия превращается в двигатель мирового прогресса и почему она быстро догоняет развитые страны. Но собеседник не скрывал скепсиса: прилетев из Нью-Йорка, он целых два часа добирался до моего офиса по суматошному и беспощадному бангалорскому шоссе Хосур.

Этот вопрос мне задавали много раз, и он всегда приводил меня в замешательство. Как избежать пространных объяснений? Я предпочитаю краткость и обычно говорю: «Политика». «Но, – не сдавался собеседник, – почему же тогда люди, подобные вам, не занимаются политикой?» Я сказал, что здесь не Соединенные Штаты, где Майкл Блумберг вчера был генеральным директором крупной компании, а сегодня – мэр Нью-Йорка. Статус предпринимателя автоматически лишает меня перспектив участия в индийской политике и делает легкой мишенью популистской риторики. У меня нет шансов победить на выборах.

Но на этот раз вопросы заставили меня задуматься. Тот факт, что на территории компании Infosys дороги такие хорошие, а вокруг – такие плохие, объясняется, конечно, не отсутствием ресурсов, технологии или опыта. Такие противоречия были в Индии всегда. Наши контрасты превратились в клише: здесь, в самой быстрорастущей демократической стране, вторые по масштабам трущобы в Азии. В стране, где хорошо понимают важность знаний, – самый большой в мире процент учеников, бросающих школы. Наши крупнейшие компании создают глобальные бренды, однако бюрократы по-прежнему душат молодых предпринимателей и чинят препятствия владельцам малого бизнеса.

За годы предпринимательской деятельности я отчетливо увидел, сколько в Индии серьезных проблем и как они мешают развитию нашей страны. Сегодня мы – нация, которая только начала реализовывать свой потенциал. С начала либерализации экономики прошло почти 20 лет, но за это время не было проведено ни одной радикальной реформы. Для большинства индийцев это означает, что их повседневная жизнь так и остается борьбой за существование. Для миллионов бедных фермеров это – нищая беспросветная жизнь, для жителей трущоб это – невозможность найти дешевое жилье, для семей это – необходимость копить деньги, чтобы отдать детей в частную школу, поскольку государственные никуда не годятся.

Мы топчемся на месте из-за того, что не можем протолкнуть и реализовать критически важные идеи. Время от времени я выполняю функции консультанта в различных комитетах в Дели и выступаю в роли государственного эксперта. У меня была возможность откровенно поговорить с нашими министрами. Так вот, индийскому политику приходится поддерживать сложный баланс в правительстве, где все еще доминирует дух социализма. Быть законодателем в такой системе – значит договариваться с центральным и местными правительствами о финансировании, добиваться действий от инертной бюрократии, проводить рабочие планы через разные, часто не связанные между собой государственные ведомства, удовлетворять требования избирателей и каким-то образом удерживать власть на протяжении наших непредсказуемых избирательных циклов. Все эти разнонаправленные силы и давление ведут к тому, что в политике сиюминутная потребность берет верх над важностью, тактика преобладает над стратегией, а покровительство имеет приоритет перед общественным благом. Результатом становится цинизм. Он явно прозвучал в словах одного выдающегося политика, который в ответ на мои идеи сказал: «Я не вижу особого смысла разговаривать с вами. Вы не приносите ни денег, ни голосов».

Во время таких разговоров я чувствовал себя страшно далеким от нового национального оптимизма и быстро растущих индийских рынков. Когда приоритеты и побудительные мотивы так сильно различаются, непросто найти общие позиции между правительствами, предпринимателями, средним классом и бедными. В действительности наши экономические идеи в последние годы находят еще меньше поддержки, чем когда-либо.

Другая точка зрения

Мне посчастливилось занять уникальную наблюдательную позицию. В индийской политике я, конечно, аутсайдер, но то же самое можно сказать и о бизнесе. Как соучредитель компании Infosys и человек, проработавший в ней 26 лет, я могу называть себя предпринимателем. Однако Infosys занимается информационными технологиями, поэтому ее проблемы сильно отличаются от тех, что выпали на долю индийской промышленности. Мы работаем на международных рынках, и неразвитость инфраструктуры нас не затрагивает, все, что нам нужно, – это провода и компьютеры. Проблемы с рабочей силой и забастовки, от которых страдают традиционные отрасли в Индии, нас почти не касались. Государство долгое время не видело в нас «традиционного» бизнеса, поэтому регулирование на нашу сферу не распространялось, и мы не чувствовали ограничений, душивших предприятия в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве. Нам не нужно сырье – железо или уголь, – а следовательно, нет необходимости вступать в контакт с государственными компаниями, контролировавшими эти ресурсы. Мы не нуждались в выстраивании взаимоотношений с бюрократами и периодических визитах в Дели, а потому не входили в круг «своих» предприятий, чьи связи с правительством давали преимущества и одновременно налагали ограничения.

В культурном отношении мы тоже выделялись: семеро художавых (сейчас в это трудно поверить!) инженеров, предпринимателей в первом поколении, решивших попробовать себя в бизнесе. В то время, когда в индийской промышленности преобладали семейные фирмы, наша ситуация была аномальной. Их владельцы обладали огромными финансовыми и производственными ресурсами. Это неизбежно развращало, но хотя часть из них сохраняла компетентность, довольно многие компании управлялись бессистемно, а мелкие акционеры редко получали доход. Деятельность этих компаний зачастую была непрозрачной, а отчетность вводила в заблуждение. Например, они показывали завышенные цены на сырье или на импортные средства производства и занижали объем продаж. В те времена бытовала шутка о том, что владельцы этих компаний имеют «доход до инвестиций». Отраслевые эксперты криво усмехались: «Эти фирмы могут обанкротиться, но их владельцы – никогда».

Infosys сделала ставку на прозрачность и эффективное управление и стала одной из первых компаний, которые изменили представление об индийском бизнесе. Мы быстро обрели известность за высокую акционерную стоимость. Люди начали называть нас компанией «новой экономики». Нас называют так и сейчас, спустя 15 лет.

Infosys не обременена типичной для индийской индустрии историей, семейными узами и багажом ритуалов. Поэтому в дискуссиях об индийской промышленности я – скорее наблюдатель, нежели участник. Правда, мне хватает оптимизма, и я считаю, что такая комбинация близости и объективности дает мне редкую и ценную точку зрения. Всю свою трудовую жизнь я провел в частном секторе, но мне довелось приобщиться и к политике на уровне штата и всего государства и испытать на себе трудности руководства в период реформ начала 1990-х гг.

Я был в курсе многих интересных дискуссий и взглядов на Индию, однако работа над книгой о стране требовала выхода на другой уровень. Я никогда не считал себя писателем, во мне нет подспудного желания записывать в надежде на то, что из этого в конце концов родится книга. Мысль написать эту книгу возникла у меня, когда я познакомился с Виджаем Келкаром в начале 2006 г. Доктор Келкар – один из виднейших индийских экономистов и реформаторов. Я был давним его поклонником, особенно после того, как увидел в 2002 г. его замечательную презентацию под названием: «Индия: на магистрали роста», которая предсказывала бурный рост Индии в ближайшие несколько лет. Предсказание оказалось весьма точным. Доктор Келкар внешне похож на ученого сухаря, но обладает великолепным чувством юмора, его привычка говорить откровенно не раз создавала ему проблемы при взаимодействии с прави-

тельством. «Я заметил, – сказал он мне, – что мои высказывания там, наверху, независимо от того, приятны они нашим законодателям или нет, не пропадают даром. Я роняю семена новых идей, и они иногда дают всходы. Это, по-моему, самое лучшее наследие».

Замечание доктора Келкара заставило меня задуматься. Возможно, я мог бы написать стоящую книгу. Надо только соединить свой опыт с опытом знакомых руководителей, предпринимателей, ученых, общественных деятелей и политиков и преобразовать эту смесь в идеи, которые будут не только объяснять своеобразие существа под названием «индийская экономика», но и прокладывать для страны путь вперед (даже если идут вразрез с действиями руководства).

Наш экономический прогресс за последние 25 лет вдохновлял меня как предпринимателя и гражданина. По приросту ВВП (более 6 % в год) с начала 1990-х гг. Индию удалось обогнать лишь одной стране в мире – Китаю. У нас огромные успехи и в таких областях, как рост внутреннего рынка и средних доходов населения, формирование среднего класса. Однако у этих успехов горький привкус. Гигантские проблемы, с которыми Индия сталкивается больше двух десятилетий после начала реформ, вызывают у меня и моих соотечественников не самые радостные эмоции. Нас разочаровывает медленный темп происходящих в стране перемен, печалит стойкое неравенство, которое бросается в глаза повсеместно. В нас крепнет ощущение, что эти проблемы приближаются к критической точке, что неравенство озлобляет людей и ограничивает наши возможности использовать огромные преимущества, которыми Индия располагает сегодня.

Тот факт, что Индия обладает большими возможностями, стал для меня очевидным во время поездок. Во всем мире люди убеждены, что у Индии есть уникальная перспектива. Огромные преимущества страны заключаются в молодежи и предпринимателях, в растущих возможностях информационных технологий, в специалистах, владеющих английским языком, и в устойчивости нашей демократии. Похоже, у нас есть все предпосылки для достижения экономического могущества.

Однако чаще с оптимизмом смотрят на Индию жители стран, далеких от ее берегов. Их мнение основано на экономических показателях, они не видят сложностей нашей внутренней политики и подковерной борьбы. Дома я начинаю чувствовать хрупкость своих надежд. Здесь сразу бросается в глаза все, что мешает двигаться вперед. Это и пессимизм по поводу наших достижений, и сопротивление идеям, которые нам надо воплотить для разрешения оставшихся проблем.

В этом слабость Индии. Она – в непрерывной борьбе за определение направления наших идей и политики страны. Настоящая книга – моя скромная попытка объяснить смысл этой борьбы и наметить пути к победе.

За пределами бизнеса

Когда я говорил знакомым, что пишу книгу, они ожидали увидеть мемуары бизнесмена или труд по стратегии управления. Узнав, что эта книга об Индии, на меня смотрели вопросительно и даже встревоженно. Из бизнесменов, по общему мнению, получают плохие интеллектуалы. Я утешаюсь тем, что в бизнес попал нечаянно. Если бы в конце 1978 г. в поисках работы я не попал бы в кабинет харизматичного Нараяны Мерфи, то прозябал бы сейчас на окраине Нью-Джерси и тянул лямку с девяти до пяти где-нибудь на Манхэттене, добираясь туда на электричке.

Мне кажется, тот факт, что я не специалист в какой-либо конкретной области – истории, социологии, экономике или политике, – позволяет мне широко смотреть на наиболее важные проблемы. Во времена, когда точки зрения расходятся особенно сильно, мнение страстного дилетанта, способного обходить острые углы, может оказаться полезным.

Я пишу об Индии, но эта книга не для людей, увлеченных индийским кино или крикетом. Об этом достаточно говорили другие, и мне здесь нечего добавить. Я пытаюсь понять Индию, проследив эволюцию идей. На мой взгляд, жизнь любого, сколь угодно сложного общества определяется несколькими всеобъемлющими идеями, которые составляют систему глубоких убеждений. Именно эти убеждения в конечном счете и сплачивают нацию. Например, идеалы французского национализма, представление о Соединенных Штатах как о стране больших возможностей, стремление к гармонии в Сингапуре – все это доминирующие идеи, которые формируют экономику и социальную политику.

При всей своей сложности Индия – это страна, где идея столь же значима, что и нация. Годы колониализма привели к тому, что Индия не прошла через цикл естественного развития. Разрозненные регионы спланировались на основе более или менее удачных идей английских правителей и индийских лидеров. Первое представление об этих идеях я получил, когда мне было пять лет. Разумеется, я осознал это много позже. Однажды в 1960 г. отец посадил нас в машину и повез на митинг в Бангалор, где проходило заседание Индийского национального конгресса. Мы хотели увидеть знаменитого Джавахарлала Неру. Он был вождем в борьбе за независимость, первым премьер-министром и пользовался огромным влиянием не только в стране, но и за рубежом. Его имя для целого поколения стало синонимом Индии. Помню, как мы стояли в толпе на обочине и махали руками этому худому энергичному человеку. Такое забыть невозможно.

Когда растешь в такие времена, легко поверить в мудрое правительство и в государственный сектор экономики. Патерналистское социалистическое государство держит компании в своей собственности. Те создают богатство, которое идет на совершенствование общества. Разве можно отдавать создание богатства в частные руки, которые могут направить его на несправедливые цели? Это же справедливо! Так рассуждал мудрый правитель Неру, и его логика казалась безупречной. Мой отец, ярый сторонник Неру, постоянно ругал пороки крупного бизнеса и говорил, что индийский путь – единственно правильный. Тогда эти идеи разделяло большинство. Сейчас же мало кто верит в них.

В основу структуры моей книги положен процесс смены идей и формирования под ее влиянием нашей экономики и политики. В первые годы после получения независимости многие считали английский языком империалистов и делали все возможное для отказа от него. Предпринимались попытки сделать единственным национальным языком хинди, а преподавание английского в государственных школах запретить. Но аутсорсинг сделал английский входным билетом в глобальную экономику, основой повышения доходов, и язык быстро стал желанным, превратился в ступеньку на пути движения среднего класса и бедняков вверх по социальной лестнице. В результате отношение региональных правительств к английскому

языку изменилось на прямо противоположное даже в тех штатах, где индийский национализм принимал крайние формы. Это наглядный пример воздействия меняющихся идей.

Я разделил книгу на четыре части по глубине изменений тех или иных аспектов нашей жизни. В первой обсуждаются проблемы, отношение к которым в последние годы радикально изменилось. На мой взгляд, именно эти перемены определяют динамизм сегодняшнего индийского общества. Например, если большая численность населения считалась раньше тормозом развития, то сейчас она рассматривается как источник человеческого капитала и ценнейший актив. Помимо широко распространенного сегодня одобрительного отношения к индийскому предпринимателю, у нас появился более оптимистичный взгляд на глобализацию. В начале реформ мы частенько сталкивались с протестами в адрес транснациональных компаний. Соса-Сола устанавливала щиты с надписью: «Мы вернулись!», – активисты писали на них: «Пока мы снова вас не вышвырнули». В заведения KFC приходили местные инспекторы с сомнениями относительно качества блюд из курятины, а перед ресторанами McDonald's в Бомбее индийцы устраивали пикеты с лозунгами колониальных времен: «Вон из Индии!» Однако сегодня появление международных компаний в Индии никого не раздражает, ну а приобретение зарубежных компаний местными фирмами стало предметом гордости.

Во второй части книги рассматриваются идеи, которые пока витают в воздухе. Они получили широкое распространение, но еще не начали приносить плоды. Например, в последние два десятилетия идея всеобщей грамотности получила массовое одобрение, но проработка стратегий универсального образования пока не закончена, и мы по-прежнему недовольны состоянием наших школ.

Вот другой пример. Мы привыкли считать Индию страной, «живущей в деревнях». Наши первые правительства считали миграцию населения в города вредным явлением, которое следовало ограничивать или даже пресекать. Теперь, после десятилетий враждебного отношения к урбанизации, мы приходим к признанию не только необходимости существования крупных городов, но и их крайне важной роли в оздоровлении экономики. Надо также отметить, что наша ущербная инфраструктура остро нуждается в радикальных переменах. В конце концов, мы начинаем отказываться от запутанной системы регулирования, тормозящей торговлю между регионами. Общество согласилось с тем, что законодательство должно быть направлено не на изоляцию провинций, а на создание общего внутреннего рынка.

Предмет третьей части книги – основные спорные вопросы. Есть области, где размежевание достигло предела, и отсутствие даже намека на согласие не позволяет принять неотложные решения. Например, ведутся яростные споры о высшем образовании, о том, как надо регулировать работу учебных заведений и каким должно быть соотношение государственных и частных университетов. Еще одной темой жарких споров являются трудовые отношения и, хотя сейчас индийская экономика ускоряется по всем направлениям, а в рабочей силе ощущается беспрецедентная потребность, в правительстве сохраняется раскол по вопросу упрощения трудового законодательства. Противостояние разделило людей на тех, кто верит в пользу реформ, и тех, кто готов от них отказаться.

Последняя часть книги посвящена лабиринтам нашей политики. Здесь я вытаскиваю на свет те идеи, которые не попали в фокус общественного внимания, несмотря на их безусловную важность для будущего. Этот блок идей, в отличие от прочих, ставит перед нами более сложную задачу, поскольку здесь наши возможности ограничены. До XVIII в. наш регион доминировал в мировой экономике. В лучшие времена Индия и Китай производили почти половину мирового валового продукта. Идеи, возникавшие на нашем субконтиненте, влияли на формирование культуры, законов, философии и науки во всем мире. Однако после освобождения от колониальной зависимости Индия стала следовать примеру развитых стран. Мы позаимствовали у них многие институты: парламентскую систему и конституционную модель – у Англии, а ранние социалистические идеи – у Европы и Советского Союза. Даже наши столь решительно

проводимые реформы были скопированы с завоевавших в мире успех экономических образцов, а наши компании строились с оглядкой на лучшие мировые стандарты.

Однако быстрый экономический рост Индии требует от нас гораздо больше новаторских идей, поскольку существующие решения в таких областях, как здравоохранение, энергетика и охрана окружающей среды, оказываются неэффективными. Энергетическая политика Индии, к примеру, не может основываться на массированном использовании углеводородов. Мероприятия по охране окружающей среды надо начинать немедленно, не дожидаясь, подобно развитым странам, пока индустриализация уничтожит наши природные ресурсы. Кроме того, мы должны разработать жизнеспособную и реалистичную систему социального обеспечения и предотвратить наблюдаемые в развитых странах шатания от голода к изобилию. И, наконец, в экономике надо применять достижения современных технологий и новые разработки.

Для реализации наших идей необходимо объединить население и политиков в решении неотложных и насущных проблем. Наши центральные коалиционные правительства любят пользоваться ярлыками, которые напоминают о единстве и общих целях: Единый фронт, Объединенный прогрессивный альянс, Национальный демократический альянс. Но в реальности они представляют кардинально противоположные идеалы и отражают глубокий раскол индийского общества, части которого различаются не столько идеологией, сколько религией, кастовым и классовым составом, территориальной принадлежностью.

Все же у меня есть основания для оптимизма: нам не раз удавалось достичь согласия. Наши споры и разногласия на протяжении всей истории постоянно видоизменялись, так же как и идеи, характеризующие нас как людей динамичных, стремящихся к развитию.

О чем помнил Неру и что он забыл

Индийцы живут в окружении теней прошлого. В центре наших городов мы видим древние храмы, многие из которых действуют и по сей день. Там на ступенях уличные торговцы продают глянцевые фотографии и статуэтки богов и богинь из сандалового дерева. Дворцы и гробницы эпохи Великих Моголов стоят у беспокойных, запруженных перекрестков, и все мы хорошо знакомы с нашими обрядами и древним эпосом, вроде Махабхараты. Она в девять раз длиннее Илиады и помнят ее гораздо лучше. По выражению писателя Веда Мехты, мы поддерживаем нашу страну «при помощи мертвой истории»^[1].

Проблема в том, что линии индийской истории и развития национальных идей были грубо изломаны. Иностранная оккупация надолго оторвала регион от бытовавших до колониальной эпохи взглядов, экономических и социальных структур. Многие из этих идей, правда, были чрезвычайно примитивными, встречались и такие, от которых мы были рады избавиться. Это сати², детские браки и жесткая кастовая система – самые тяжкие грехи, доставшиеся нам в наследство от феодализма. Наше средневековое прошлое, как сказал Рабиндранат Тагор, – «это такое место, из которого мы убежали бы с радостью». Однако правление англичан лишило образованных индийцев своеобразия, оторвало их от лучших образцов раннеиндийской литературы, философии, истории^[2].

Вместо этого мы теперь видим странный сплав индийского своеобразия и совершенно новой культуры. Англичане принесли в нашу страну свой язык и западное образование, а с этим образованием пришли идеи современного национализма, самоопределения и демократии. К сожалению, эти идеи не пошли дальше узкого круга элиты – англичане решили, что в целом индийцев и их традиции лучше не трогать³. Подавляющее большинство индийцев было лишено корней, оторвано как от своего иностранного правительства, так и от индийских лидеров, получивших образование в Великобритании, его не коснулись подъем современной экономики и либеральные идеи внешнего мира. В результате в колониальную Индию пришел застой с точки зрения доходов, урбанизации и образования. Фактически англичане сотрудничали с индийской традиционной элитой и люмпен-аристократией, сознательно укрепляя феодальную систему. Они, например, защищали землевладельцев от передачи земли растущему в городах классу капиталистов и потворствовали патриархальным кастам джатов, бхумихаров, раджпутлов и сикхов, поскольку эти касты воинов поставляли солдат в британскую армию^[3].

Этот диссонанс привел к возникновению в Индии странной двухуровневой культурной иерархии, причем разрыв между уровнями был таким огромным, что образ Индии стал вызывать чувство раздвоения. Многие представители элиты и верхушки среднего класса, получившие образование в английских школах, поддерживали идеи возрождения демократии, самоопределения и национализма, а некоторые из них стали лидерами национально-освободительного движения. По другую сторону пропасти оказалось большинство индийского населения, воспитанное на культуре субконтинента и управляемое железными кастовыми, религиозными и социальными обычаями.

Между этим уровнями было так мало общего, что индийские реформаторы стояли на своем берегу, глядя на другой, и испытывали ужас от увиденного. Реформатор Бипин Чандра

² Ритуальное самосожжение жены, потерявшей мужа. – *Прим. пер.*

³ Такую позицию англичане заняли после армейских мятежей 1857 г. Отсутствие гарантий безопасности для англичан привело к тому, что они отгородились от местного населения и потеряли интерес к своей роли реформаторов. По мнению Кристофера Хитчинса, переезд английских офицеров в Индию вместе с семьями еще более усиливал изоляцию. Присутствие жен и детей в чужой стране нервировало многих офицеров, и они старались не покидать территорию военных городков и стены клубов, куда допускались только англичане.

Пал писал: «Мы любили абстракцию, которую называли Индией, но... ненавидели то, чем она была в реальности».

Самый яркий пример разрыва между индийскими лидерами и остальной страной – Джавахарлал Неру. Если мы сможем понять этого человека, мы получим ключ к пониманию роли идей в формировании и объединении страны. Оглядываясь назад, можно утверждать, что Неру был совсем не тем, кто требовался для формирования единой индийской нации. Себя он характеризовал как «последнего англичанина, правящего Индией». Его отец, Мотилал Неру, исповедовал прозападные взгляды. Он был успешным адвокатом и поздно присоединился к освободительному движению. В его доме за столом обязательно пользовались ножом и вилок, говорили по-английски (хотя жена не владела этим языком) и приглашали английских учителей детям. В подростковом возрасте Неру был отправлен в Англию. Он учился в привилегированной Харроу-скул, в Кембридже и в «Судебных иннах»⁴.

Таким образом, Неру во многом был продуктом западного просвещения. Он, хотя и ценил обаяние и решительность Ганди (Неру называл его «ясным, как бриллиант»), но не разделял его лежавших в русле индийской традиции убеждений и написал однажды: «В идеологическом отношении он иногда проявляет поразительную отсталость». Неру был совершенно нерелигиозен и на вопросы о вере, пожимая плечами, отвечал цитатой из Вольтера: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». К индийским политическим тенденциям Неру относился с осторожностью, особенно после того, как стал первым в стране премьер-министром. Он был, несомненно, предан Индии, но его беспокоило глубокое социальное, территориальное и кастовое разграничение. Разрыв между личными убеждениями Неру и тем, что он видел в реальности, был огромным. Во время визита в Уттар-Прадеш лидер местного конгресса Калка Прасад представил Неру как нового короля, а собравшиеся крестьяне к великому потрясению и негодованию Неру начали скандировать: «Король, король приехал!».

В итоге Неру оказался единственным государственным деятелем, способным преодолеть пропасть и объединить страну под флагом общей политической и экономической идеи. Ирония в том, что это произошло благодаря его отстраненной позиции, а не вопреки ей. Неру был силен тем, что даже когда вся Индия сомневалась в своих возможностях, он не сомневался. Его романтические представления подкреплялись железной волей и потрясающей способностью улаживать разногласия. Кроме того, он обладал сильной харизмой: убедительно говорил и умел предвидеть события. Он помог сформировать национальное самосознание, предоставив людям всеобщее избирательное право и создав светское правительство в самые бурные годы после обретения независимости. Проявления религиозных и территориальных разногласий вопреки его лидерству и влиянию Ганди были для Неру неожиданностью. Жестокость и насилие, сопровождавшие Раздел⁵, когда погибло больше миллиона человек, буквально опустошили его.

У Неру в первый момент были и другие козыри, помогавшие воплощать идеи антиклерикализма и рационализма в такой глубоко разобщенной стране. Движение за независимость оттеснило на второй план все идеи кроме единой государственной принадлежности. Это первоначальное единение позволило поборникам светского правительства заглушить голоса, звучавшие в пользу разделения. Речь идет об идеологии индусов-шовинистов, проповедовавших идею плюрализма и требовавших, чтобы Индия стала «страной индусов, индийцев-мусульман, индийцев-христиан и индийцев-сикхов», и о позиции мусульманских лидеров, претендовавших на роль единственных представителей мусульманской части населения.

⁴ Четыре школы барристеров в Лондоне. – *Прим. пер.*

⁵ Раздел в 1947 г. бывшей британской колонии Британская Индия на независимые государства – доминион Пакистан и Индийский Союз. – *Прим. пер.*

Несмотря на то, что Неру и его коллеги в правительстве смогли на время утихомирить раскольнические тенденции, они не занимались борьбой с ними напрямую и не пытались устранить разобщенность «многих стран внутри одной страны»⁶. Правительство игнорировало глубокую пропасть между просвещенными лидерами, принявшими индийскую конституцию, и массами, которые в большинстве своем конституцию не читали, а если и читали, то не могли оценить ее по достоинству. Государству не удалось выработать политику, которая сократила бы пропасть и сделала популярными теории антиклерикализма и свободы, идеи массового образования и урбанизации. А враждебное отношение правительства к бизнесу означало, что предпринимательство, столь важное для укрепления основ нового гражданского общества, подвергалось гонениям.

Недостаточная численность среднего класса лишь углубляла разрыв. В 1970-е гг. появились намеки на зарождение индийской буржуазии. Тогда на фоне расцвета государственного сектора и национализации банков, плодов стараний Индиры Ганди, возникла зажиточная прослойка из правительственных чиновников и государственных служащих. Но она была всего каплей в море населения страны. Колоссальный разрыв между старой Индией и Индией элиты и лидеров по-прежнему сохранялся, и мы не могли вырваться из тисков противоречий двух наций – «феодальной и светской, рациональной и традиционной»^[4]. На протяжении 20–25 лет после обретения независимости единство Индии сохранялось, в основном, благодаря остаткам популярности идеи независимости и партии Индийский национальный конгресс, которая проповедовала ее. Позднее индийцев на короткое время сплачивали войны с Пакистаном и Китаем. Люди приходили на вокзалы, чтобы приветствовать джаванов⁷, отправлявшихся на войну, и местные певцы ехали к пограничным постам, чтобы петь там о родине и о героизме ее сыновей. Такое единство, однако, было очень непрочным.

⁶ На деле правительство, для которого высшим приоритетом была объединенная Индия, подавляло любые разногласия, угрожавшие этой идее. В долгосрочной перспективе это был слишком дорогостоящий шаг. Так случилось с Джамму и Кашмиром. Когда исключительно популярный главный министр штата (и друг Неру) шейх Абдулла отказался от проиндийской позиции в пользу идеи «свободного Кашмира», индийское правительство посадило его в тюрьму и привело к власти более сговорчивых министров. К общему неудовольствию кашмирцев он провел в заключении 11 лет.

⁷ Солдаты и другие военные чином ниже офицерского. – *Прим. пер.*

Первые трещины

В.С. Найпаул⁸ однажды заметил: «Политика в стране может быть лишь продолжением отношений между людьми». Со временем Индийский национальный конгресс стал терять популярность среди избирателей, и политика начала отражать многие проблемы наших социальных и культурных отношений.

Салман Рушди назвал Индию «карнавальной», имея в виду ее затейливое многообразие. Общество представлялось узором, сотканным из каст, регионов и религий. Эти элементы индийской самобытности проявляются даже в фамилиях: они указывают на место происхождения человека и касту, к которой он принадлежит. В некоторых частях страны фамилии настолько сложны, что включают даже название семейного дома. Поскольку наше декларативное единство дало трещину, различия индийской самобытности стали проявляться и в нашей политике: новые кастовые и региональные партии множились как грибы, а избиратели быстро разбились на группы, разделенные знакомыми водоразделами.

Когда дочь Неру Индира Ганди стала премьер-министром, она полагала, что сможет добиться того же единства, что и Неру. Ее оценка собственной популярности была слишком завышенной, что ясно показывает фраза, брошенная писателю и журналисту Брюсу Чатвину: «Вы не представляете, как это утомительно – быть богиней!»⁹ В итоге, оказавшись на посту руководителя в пору подъема региональных политических партий, Индира лишь способствовала углублению раскола в стране. Она пыталась сопротивляться разгулу стихии, прибегнув для начала к популизму. Национализация банков – только один пример. Затем в течение 18 месяцев Индира пыталась установить диктатуру, введя в стране чрезвычайное положение. Когда она отменила чрезвычайное положение и разрешила выборы, ее партия потеряла контроль. Переизбранная в кабинет в 1980 г., Индира Ганди уже не имела той власти, какой она обладала в первые годы своего правления. По всей стране вспыхивали беспорядки. Наиболее серьезными они были в Пенджабе, и в 1984 г. Индира Ганди погибла от рук своих телохранителей-сикхов.

Ее сын Раджив Ганди пришел к власти, чтобы «заменить маму»^[5]. Он тоже предпринял попытку объединить страну, рассчитывая создать общую культурную платформу. Для этого на государственном телеканале велись трансляции индусского эпоса, а Индийский национальный конгресс выискивал личности, которые могли бы способствовать объединению, например популярные киноактеры Амитабх Баччан и Сунил Датт. Но ни одна из инициатив не привела к такой политической сплоченности, которая наблюдалась в Индии сразу после объявления независимости и позволяла нашим вождям воплотить идеи плановой экономики, демократии и антиклерикализма.

Экономические реформы лишь усиливали фрагментацию Индии. Новая политика заключалась в передаче экономической власти от центра штатам и давала больше полномочий региональным партиям. С тех пор наши расхождения во многом сгладились. В 1990-е гг. правая Бхаратия джаната парти в альянсе с более мелкими политическими партиями, представлявшими штаты, устремилась к власти, опираясь на индусскую националистическую риторику, открыто враждебную мусульманскому и христианскому меньшинствам. Правительства, которые с тех пор Индийский национальный конгресс и Бхаратия джаната парти приводили к власти, были коалиционными, основанными на сотрудничестве с региональными партиями.

⁸ Видиадхар Сурадхипрасад Найпаул – лауреат Нобелевской премии по литературе за 2001 г. – *Прим. пер.*

⁹ Справедливости ради приведу ее слова полностью. В этот момент она сидела на балконе, под которым собралась двухсотпятидесятитысячная толпа, чтобы выразить ей свое почтение. Чатвину она сказала следующее: «Дайте мне еще орешков кешью. Вы не представляете, как это утомительно – быть богиней!»

Политические и социальные взгляды лидеров этих небольших партий очень сильно отличались от взглядов основателей индийского государства. Они представляли интересы не только своего штата, но и определенных каст и религиозных общин внутри него. Первые индийские лидеры хотели положить конец «распределению по категориям, разделению, классификации и предоставлению особых уступок»^[6]. Но с появлением влиятельных общинных партий уступки стали главной темой. Например, в штате Уттар-Прадеш партия Бахуджан самадж под руководством Маявати добилась определенных преимуществ для избирателей из своей касты, дали-тов¹⁰, при трудоустройстве в государственных учреждениях. В Бихаре некоторые жаловались, что «все руководители департаментов, заведующие отделами электроснабжения и водоснабжения, назначенные Лалу Прасадом Ядавом, носят фамилию Ядав»^[7].

Проблемы национальной самоидентификации обостряются в Индии во время выборов. Наша политика по-прежнему строится с учетом кастовых, религиозных, региональных и классовых аспектов. В них – основа нашей лояльности и, между прочим, политики нашего развития.

¹⁰ Угнетенные, общее название каст неприкасаемых. – *Прим. пер.*

Робкие надежды

Было бы неправильно впадать в фатализм, говоря о пестроте и фрагментации индийского общества. Однажды, в бурную эпоху, наставшую сразу после обретения независимости, мы уже преодолели наши разногласия. Это может повториться. Коммунистический лидер штата Керала Э.М.Ш. Намбудирипад однажды сказал социологу Андре Бетею, что касты давно изжили себя, они – «навязчивая идея американских социологов, приехавших изучать Индию».

Меня могут счесть безнадежным оптимистом, но я думаю, что индийцы в конце концов возвысятся над тем, что определяется кастовыми, религиозными, территориальными и семейными особенностями, и станут ближе к понятию «индиец». Я видел, с каким доверием мой отец относился к Неру и к его возвышенным, глубоко прочувствованным и полным надежды речам с призывами к объединению. Когда я начал работать в Infosys, мне пришлось отказаться от веры отца в предложенный Неру социализм, но я унаследовал его оптимистические взгляды на индийскую политику.

По правде говоря, представления о нашей государственной принадлежности в отрыве от феодальных идей временами кажутся весьма смутными. Совсем недавно, в 1998 г. Лалу Ядав сумел убедить многих своих избирателей в Бихаре, что один из его кандидатов, Шакуни Чондри, является воплощением Куша, сына бога Вишну. Мы видим, как наша политика вырождается, превращаясь в отвратительное зрелище с драками в парламенте, когда наши политики сходятся в кулачном бою за местечковые интересы своей религии, региона или касты, а должности и места в колледжах распределяются по кастовой принадлежности. Но изменения, произошедшие в последние годы, вселяют в меня надежду. Рост числа предпринимателей, вышедших из низших каст, осознание необходимости англоязычного образования и появление новых частных школ, даже в деревнях, активизация гражданского общества через создание неправительственных организаций и принятие таких законодательных актов, как Закон о праве на информацию – все это свидетельства пусть медленных и неуверенных, но положительных сдвигов.

По мере того, как экономическое развитие и рост доходов ослабляют традиционную кастовую систему, она теряет свое значение как фактор, на основе которого избиратели определяют лидеров. На недавних выборах политики-популисты, неспособные идти дальше разговоров, проваливались независимо от их кастовой принадлежности. Это происходит даже в самых отсталых штатах, таких как Бихар и Уттар-Прадеш. Правление Лалу Ядава в Бихаре, продолжавшееся 15 лет, закончилось в 2005 г., когда его партия оказалась только на третьем месте. В 2007 г. в штате Уттар-Прадеш для победы на выборах в правительство Маявати создала ранее немыслимую коалицию из далитов и браминов, и с тех пор она (по крайней мере, на словах) повторяет мантру «сарваджан самадж» – «партия для всех».

В последние два десятилетия громче зазвучали голоса разочарованных избирателей, систематически проваливавших правительства как на уровне штатов, так и в масштабе страны. Индийские избиратели со всей очевидностью используют доступные им возможности поиска лидера, способного предложить пути преодоления экономической и социальной отсталости, реальные перспективы экономического выбора и улучшения условий жизни. Не сомневаюсь, именно сила новых идей ускоряет этот процесс.

Разногласия, обусловленные кастовыми, религиозными и региональными аспектами, я называю «вертикальными» проблемами индийского общества. Эти проблемы доминируют в нашем избирательном пространстве, но сегодня есть шанс отодвинуть их на второй план. Причина в том, что за прошедшее время обрела вес группа «горизонтальных» тем – идей, связанных с развитием страны, образованием, здравоохранением, трудоустройством и другими аспектами нашей жизни. Очерчивание таких вертикальных и горизонтальных тем может ока-

заться полезным при обсуждении будущего страны. Оно позволяет нам увидеть перспективу выборов, не задумываясь над тем, какая комбинация каст и политических взглядов победит при следующем голосовании, и с высоты птичьего полета охватить взглядом наши политические интересы. С этой позиции видно, что некоторые идеи преодолевают наши разногласия, получают распространение среди электората и могут повлиять на результаты выборов.

На первый взгляд подобное представление кажется оптимистичным, особенно если рассматривать такие неблагополучные штаты, как Бихар, Уттар-Прадеш и Раджастан. Ученый-политолог Канчан Чандра в своем крайне интересном исследовании показал, как во время выборов в этих штатах кастовая принадлежность оборачивается торговлей базовыми общественными благами ради голосов. Повседневная безопасность конкретной касты избирателей, возможность получить удостоверение личности, карточки на субсидированные продукты питания и другие основные товары зависит от победы ее партии на выборах. «Если избиратели хотят получить доступ к минимальному набору услуг, они вынуждены группироваться вокруг своей касты», – говорит Канчан. Иначе правительство будет к ним в лучшем случае безразлично, а в худшем – враждебно. Избиратели в целом, и особенно беднейшие, продают свои голоса в этих штатах в обмен на обеспечение основных прав.

В более развитых штатах, таких как Андхра-Прадеш, базовые коммунальные услуги и социальная защита широкодоступны. Такая тенденция прослеживается по всей стране. Здесь в правительстве цель игры на кастовой и религиозной принадлежности заключается в обеспечении конкретных преимуществ для своей группы или общины. Обычно речь идет о резервировании должностей, мест в колледжах или в законодательном органе штата.

Третий сценарий, однако, может служить образцом постепенного смещения акцентов. Некоторые индийские штаты, такие как Махараштра, Карнатака и Тамил-Наду – экономически довольно развиты, и их население может не прибегать к торговле кастовой принадлежностью в обмен на коммунальные услуги. На выборах и сейчас здесь может доминировать кастовый аспект, но основные запросы людей имеют более широкий характер, например улучшение инфраструктуры и более качественное образование. Это становится особенно очевидным по мере активизации независимых избирателей, которые при голосовании все больше ориентируются на вопросы материального развития и все меньше – на кастовые интересы. На выборах 2008 г. в штате Карнатака такие избиратели оказались в положении «создателей королей» – влиятельных лиц, от которых зависит назначение на высокий пост, – обеспечив Бхаратия джаната партии больше 5 % голосов.

Неоспоримый факт заключается в том, что в каждом из этих трех сценариев касты продолжают играть важную роль в глазах избирателей, однако в зависимости от уровня управления и благосостояния потребности и запросы граждан в этих штатах сильно варьируют. На практике это означает, что в Бангалоре представители всех каст могут требовать доступного частного англоязычного образования, однако в сельском Бихаре предмет главных забот избирателей – получение земельных сертификатов. Кастовые барьеры сохраняются до сих пор, но людей все больше объединяют некоторые общие проблемы.

Вот почему, на мой взгляд, «страховочная сетка» идей становится крайне важной для перевода нашего диалога с феодальных, шовинистических вопросов на светские. Как только базовый набор идей и проблем завоевывает популярность у всего населения, станет трудно ограничивать партийные платформы исключительно разжиганием враждебности по отношению к «иным», не принадлежащим к данной касте, религии, региону или классу.

Подход, ориентированный на идеи, может повлиять и на наше отношение к разным задачам. Успешные правительства часто стремятся рассматривать проблемы в образовании, здравоохранении, производстве и инфраструктуре отдельно друг от друга, когда каждая из них становится «больным зубом, который можно удалить»^[8]. Наша технократическая установка «сверху вниз» в данном случае приводит, например, к тому, что, приняв решение о проведе-

нии отраслевых реформ, мы забываем об инфраструктуре. Промышленный рост последних лет сильно перегрузил и без того плохие дороги и порты и создал множество узких мест и критических ситуаций.

Рассматривая наши проблемы через призму идей, мы можем ясно увидеть, насколько нашему росту мешает ущербная и беспорядочная политика. Это особенно заметно, когда дело касается сельскохозяйственного кризиса – самого трагического провала изолированного подхода по принципу «больного зуба». Углубление кризиса в сельском хозяйстве в определенной мере связано с недостатком гибкости рынка труда, исключающего переток сельскохозяйственных рабочих в обрабатывающую промышленность и удерживающего в результате производительность наших ферм низком уровне, а безработицу – на высоком. Одной из причин кризиса являются недостатки инфраструктуры, ограничившие доступ фермеров к рынкам, наряду с законодательными предписаниями, которые привязали работников к местным покупателям и обрекли на низкие доходы. В то же время растущие проблемы окружающей среды – деградация почвы и сокращение водных ресурсов – отдают наших фермеров на милость переменчивых муссонов. Отсутствие организованной розничной сети и каналов снабжения также способствует росту потерь сельскохозяйственной продукции. Нехватка финансовых ресурсов у большей части домохозяйств в сельской местности не позволяет им вводить новшества, экспериментировать и идти на значительный риск.

Наш подход к этим проблемам должен включать в себя широкий набор политических идей. Только тогда мы сможем помочь в реальной жизни нашему более чем миллиардному населению.

Карты на стол!

В отношении развития страны моя позиция однозначна. Я вижу важнейший фактор роста в расширении доступа к ресурсам и возможностям. Независимо от уровня доходов люди везде должны иметь доступ к услугам здравоохранения и чистой воде, к базовой инфраструктуре, к капиталу, работе, надежной системе социальной защиты, к хорошим школам с преподаванием на английском языке.

Хотя обеспечение такого доступа – совершенно очевидная цель, большинство стран не может предоставить его. Я понял это, услышав выступление нобелевского лауреата, историка-экономиста Дугласа Норта на тему о том, как страны ограничивают такие возможности для граждан. В 2005 г. я был в Ирландии на заседании организации Conference Board, где доктор Норт произнес свою захватывающую речь. Он говорил оживленно и страстно об огромной важности развития так называемого «общества с открытым доступом». «Устойчиво ограниченный доступ – вот что мы видим в большинстве стран, – сказал мне позже доктор Норт, – это политика затруднения всеобщего доступа к рынкам и институтам». Ограничения касаются доступа к капиталу, который нужен, чтобы начать бизнес, к системе образования, где качество напрямую связано с ценой. Мы видим, как элиты объединяются в попытках удержать власть и богатство, и людям становится крайне трудно вырваться из класса, к которому они принадлежат от рождения.

Его пример страны с закрытым доступом напомнил мне Индию времен моего детства, где занятость была низкой, начать и раскрутить бизнес было трудно, а качество систем образования варьировало весьма сильно. Мои родители не относились к состоятельным людям, но отец, работая менеджером на текстильной фабрике, считался лучшим представителем индийского среднего класса и ставил образование превыше всего. По его настоянию я посещал частную английскую среднюю школу, а позже поступил в Индийский технологический институт в Бомбее. Это образование и владение английским языком помогли мне войти в индустрию программного обеспечения. Однако подавляющее большинство индийцев не имело и до сих пор не имеет таких шансов. Как правило, родители могут позволить себе лишь обучение детей в государственных школах с низким качеством образования и преподаванием только на местных языках. Иными словами, в Индии, если вы родились бедным, то, скорее всего, останетесь им до конца жизни, и судьба ваших детей будет не лучше.

Чтобы страна перешла к открытому доступу, нам нужны конкуренция и рынки. По словам доктора Норта, это «позволит людям совершенствоваться и раскрывать свои творческие способности и даст гарантию того, что ни политическая, ни экономическая власть не будет оставаться в одних руках и передаваться по наследству». Такая обстановка также способствует социальной стабильности, поскольку она вызывает ощущение справедливости и веру в то, что каждый может изменить свое финансовое и общественное положение. С этой точки зрения Индия сейчас, спустя почти 20 лет после начала экономических реформ, продолжает борьбу за статус страны с открытым доступом. Демократия, пришедшая к нам в 1947 г., заложила основы для политической конкуренции, но лишь в 1980-е гг. выборы в Индии приобрели по-настоящему состязательный дух. Определенная степень экономической свободы появилась у нас в 1991 г., но социальные программы остаются слабыми и продолжают зависеть от субсидий. Низкое качество образования в государственных школах и неразвитая инфраструктура особенно сильно сказываются на бедной части населения. Те, кто могли позволить себе альтернативу, просто самоустранились: перешли в частные школы, к частным электроэнергетическим компаниям и в закрытые поселки, либо эмигрировали, оставив заботу о хрупких, расшатанных системах менее удачливым.

Идея открытого доступа встречает решительное сопротивление. Оно исходит как из сферы бизнеса, так и из правительства. Группы интересов и элита не хотят делиться властью, и для сохранения статус-кво у них есть серьезные причины. Реформа трудового законодательства угрожает не только бизнесу, привыкшему к дешевой рабочей силе, но и профсоюзам. Родители и школьники, получив больше прав, покушаются на господство профсоюзов учителей и администрации. Расширение экономических и социальных прав женщин угрожает господствующему положению мужчин.

Таким образом, реформы, расширяющие доступ, особенно важны для обездоленных. Они критичны для повышения мобильности по доходам среди самых отсталых и бедных групп. А эта мобильность – главная составляющая успеха свободных рынков. Мы склонны забывать, что предпосылка продуктивности и эффективности – значительная численность образованных людей, о которой нельзя и мечтать без широкого доступа к хорошим школам и колледжам. Чем больше людей получают достойную работу и хорошее образование, тем больше в экономике инноваций и «скачков производительности».

Я искренне верю, что с точки зрения целей нашего развития самые крупные успехи «связаны не с открытиями, а с тем, как мы применяем [их], чтобы уменьшить неравенство и обеспечить свободу доступа»^[9]. Не придавать этому значения – не просто плохо, а очень рискованно. Мы не раз наблюдали популистский откат от рынков, когда не удавалось справиться с кризисом доступа, например в Европе в 1920–1930 гг. и позже в крупных странах Латинской Америки. Даже в США, стране, которая, по общему мнению, близко к сердцу принимает ценности свободного рынка, в годы «Нового курса» возобладали антикапиталистические настроения. В ту эпоху вырос уровень бедности и безработицы, а Франклин Рузвельт назвал бизнес «фашистским», стремящимся «поработить общество». Сейчас в США наблюдается возврат к этой риторике и нападкам на крупный бизнес на фоне усиления экономического неравенства, роста безработицы и выхода финансового сектора из-под контроля в результате недостаточного регулирования. Вот пример того, как легко меняется экономическое настроение страны: когда в сентябре 2008 г. финансовый кризис в США достиг апогея, а на спасение тонущих банков из бюджета было брошено около \$1 трлн, даже самые стойкие приверженцы свободного рынка стали высказывать враждебность в отношении Уолл-стрит. Американцы назвали эту помощь «социализмом для богатых», а один рассерженный налогоплательщик заметил: «Я могу напрячься и спасти наших безответственных кредиторов и заемщиков, либо... могу купить дом. И то, и другое мой бюджет не выдержит»^[10].

Правительства сильно рискуют, закрывая глаза на такое неравенство и несправедливость. Если этими проблемами не заниматься, они спровоцируют отчаянный протест в отношении политики свободного рынка.

В этом контексте, на мой взгляд, силы глобализации работают в пользу Индии. В данный момент глобализация – довольно острая проблема. Для одних это свободная торговля и усиление взаимной зависимости в мировом масштабе, для других – зловещая сила, обезличивающая культуры, угрожающая гегемонией, нивелирующая разнообразие по мере выхода потребительских предпочтений за границы государств и разрушающая окружающую среду. Однако изменение положения Индии в сочетании с нынешними глобальными факторами сулит стране больше приобретений, чем потерь, и нам следует активнее включаться в процесс глобализации. Сегодня у Индии есть уникальные преимущества: самая многочисленная в мире группа англоговорящих людей и молодые амбициозные предприниматели, экспериментирующие с низкозатратными моделями бизнеса. Наши обширные внутренние рынки помимо возможностей, которые они предлагают, компенсируют в определенной мере взлеты и падения глобальной торговли.

Политическая ситуация в мире тоже на руку Индии. В 1950-х гг. взаимодействие страны с Западом, учитывая наши барьеры для международной торговли, сводилось к геополитиче-

ским аспектам, осложнявшихся холодной войной и участием в Движении неприсоединения. Неудивительно, что у таких деятелей, как Неру и министр обороны и представитель страны в ООН Кришна Менон, отношения с западными странами были очень настороженными. Настороженность лишь усилилась, когда Индия стала зависеть от помощи Международного валютного фонда и Всемирного банка. Индира Ганди встала на социалистическую платформу в пику западным странам, но и она в конце 1960-х гг. вынуждена была временами обращаться к Соединенным Штатам за продовольственной помощью. Сегодня, однако, индийский бизнес играет важную роль в формировании имиджа страны благодаря своей международной диверсификации, партнерским связям и поглощениям. Наши политические лидеры тоже укрепляют свои позиции в международных организациях и налаживают связи с США и странами Европы. Как у самой быстрорастущей в мире демократии, у нас есть потенциал превращения в сдерживающую силу эпохи авторитарных режимов и азиатскую нацию, наиболее близкую к Западу в культурном отношении.

Развитие страны и информационные технологии

Убежден, что технологии в целом и информационные технологии в частности играют важную роль не только в улучшении коммунальных услуг, но и в создании открытого, менее коррумпированного общества. Впервые попав в государственный сектор в качестве председателя организации Bangalore Agenda Task Force (BATF), созданной для совершенствования систем управления Бангалором, я сознательно избегал рекламы ИТ как способа решения проблем. Я знал, что за мной закрепилось прозвище «компьютерный мальчик». По мнению окружающих, решение любой проблемы я видел в написании соответствующей компьютерной программы. Но какое отношение компьютеры и программы могут иметь к вывозу мусора или снабжению питьевой водой? Однако 10 лет на государственной службе убедили меня, что использование ИТ – это ключ к решению широкого круга проблем. Сейчас я даже не представляю себе, как совершенствовать государственный сектор без массированного применения компьютерных технологий.

За эти беспокойные годы, когда будни посвящались Infosys, а выходные – BATF, я в полной мере ощутил разницу между частным и государственным секторами. Наиболее явно она просматривалась в эффективности, подотчетности и инициативности. В частном секторе во главу угла поставлена эффективность, а инициатива и разумный риск приветствуются. Принимаемые инвестиционные решения и политика тщательно контролируются командой единомышленников. В государственной сфере, с учетом изолированности департаментов (и разногласий внутри них), непредсказуемости начальника и отсутствия ощутимой личной заинтересованности, укоренилось полное неприятие риска. Бюрократы, с которыми я общался, считали, что защита своей вотчины и нераскачивание лодки – ключевые слагаемые успеха в правительстве. В Карнатаке я видел много предприимчивых чиновников, которые пытались провести смелые реформы в таких областях, как инфраструктура и прозрачность управления, но на следующий же день теряли свою должность.

Даже для действующей из лучших побуждений государственной службы процесс и прецедент важнее, чем прогресс и результат. В итоге новые проекты не поспевают за широкими переменами в технологии и новшествами бизнеса. Помимо прочего управление большим количеством проектов превращается для государственного сектора в невыполнимую задачу.

Пожалуй, больше всего разнятся подходы государственного и частного секторов к достижению целей. В частном секторе все внимание направлено на результативность и эффективность. Благодаря конкуренции предприятия стремятся повышать доходы и прибыли за счет того, что они делают вещи быстрее, лучше и дешевле и удовлетворяют потребности клиентов. В государственном секторе царит идея справедливости. Это ясно просматривается во всей правительственной политике: в резервировании должностей, мест в учебных заведениях и представительных органах. И это лишь один пример.

Информационные технологии способны привнести в государственный сектор все три составляющие – справедливость, результативность и эффективность. Я называю это эффектом «3Е» (equity, efficiency, effectiveness). Новая ИТ-инфраструктура может обойти нерезультативные государственные системы и, улучшая измеримость целей и результатов, обеспечить повышение эффективности. А если улучшить распределение ресурсов и повысить прозрачность этого процесса, мы достигнем и третьей цели – справедливости.

Информационные технологии – это также ключевой механизм уменьшения асимметрии распределения знаний между правительством и управляемыми. Если граждане получают доступ к информации о процессе принятия решений в правительстве, о расходовании средств, их получателях и бенефициарах, то, очевидно, качество государственных решений заметно возрастет. Конечно, информационные технологии сами по себе не сделают этого. Но в соче-

тании с законами, расширяющими доступ к информации, эти технологии могут кардинально изменить работу систем управления.

Власть народа

Для устойчивого развития прежде всего необходима демократия. Многие из тех, с кем я разговаривал, считают, что демократия тормозит развитие Индии. По их мнению, сильный авторитарный лидер во главе страны, способный решительно проводить политику, был бы более эффективен. Их тревога усиливается качеством наших публичных дебатов, темным прошлым избранных нами представителей и коррупцией, которая кажется повсеместной.

Действительно, Индия – молодая демократия. Одни ее проблемы проистекают из неопытности, другие – из беспомощности популистских правительств. Но те, кто ратует за авторитарное правление, должны помнить, что цена такой власти не оправдывает ее опасности. Авторитарная система всегда склоняется к тирании и насилию, она производит на свет таких, как Роберт Мугабе и Дэн Сяопин. Кроме того, она допускает ошибки, которые не так просто исправить. Возьмем, к примеру, реакцию Китая на загрязнение окружающей среды и рост численности населения. Демократическая система, несмотря на ее дефекты, лечит себя сама и, гарантируя свободу всем людям независимо от происхождения и благосостояния, предлагает реальные источники перемен, помогающих преодолеть устоявшиеся представления, неравенство и многовековые распри.

Своими слабыми местами Индия обязана скорее недостатку демократии, нежели ее избытку. В первые десятилетия самостоятельности руководимые Индийским национальным конгрессом правительства доминировали в политике и почти не сталкивались с реальной оппозицией. Они могли проводить привычную политику, даже когда та уже доказала свою несостоятельность. Их идеологически ориентированный подход «сверху вниз» не учитывал потребности и реакцию населения. Перемены наступили лишь в начале 1970-х гг., когда люди возвысили голос и в знак протеста начали выбирать своих лидеров и создавать свои собственные политические партии. Инициаторами перемен стали фермеры, далиты и растущий средний класс. Пусковым механизмом процесса реформирования Индии стал экономический кризис 1991 г., но если взглянуть на ситуацию шире, мы увидим, что реформы явились также результатом попыток правительства умиротворить электорат, уставший от кризисов, низких темпов развития и массовой безработицы.

За последние 20 лет наши демократические силы заметно укрепились, как в свое время маргинальные кастовые и региональные группы в политической системе, а растущий средний класс стал более требовательным и напористым. Индийцы уже не ждут, когда власти штата вынесут очередное бездарное решение. Ограничиваемые жестким трудовым законодательством люди попадают на огромный и неорганизованный рынок труда. Пополнив огромную армию безработных, они пытаются начать собственное дело или открыть магазин. Видя крах системы государственного образования, они отправляют своих детей в легальные и нелегальные частные школы. По всей стране люди начинают брать ответственность на себя через такие гражданские организации, как Апна деш, занимающаяся уборкой мусора там, где муниципальные службы не удосужились его убрать, через требования расширить представительство в местных органах власти в деревнях и городах, через попытки повысить прозрачность действий правительства на основе Закона о праве на информацию. Но такая ситуация хороша лишь с точки зрения реформ, так как не дающая эффекта политика быстро отбрасывается, а правительствам приходится заниматься вопросами, обеспечивающими им популярность среди избирателей, для которых развитие и рост доходов стали условием делегирования политической власти.

Время настало

После обретения независимости долгое время индийская мечта казалась призрачной. Развитие страны замедлилось, а после смерти Неру социальное расслоение усилилось. Мы никак не могли вылезти из круговорота беспорядков и мятежей. Один эксперт заметил по этому поводу с фатализмом: «У вас вечно наводнения... продуктов всегда не хватает, и кто-то постоянно бастует. Индия спит, и ничего не меняется»^[11].

Однако в последнюю четверть прошлого века Индия стала избавляться от наследия тех лет. Начало позитивных перемен связано с ростом сектора информационных технологий. В период реформ эта отрасль оказалась в числе самых быстроразвивающихся, став фактически флагманом новой индийской экономики. Она стимулировала общий рост промышленности в 1990-е гг. и привлекла к Индии внимание всего мира. Но, пожалуй, важнее всего то, что она вселила большие надежды своими поистине невероятными возможностями в плане создания рабочих мест и условий для восходящей мобильности.

Это ощущение новых возможностей и новые потребности, возникшие с появлением в Индии ИТ-сектора, по мере развития страны усиливаются и начинают играть роль нового широкого фундамента для объединения нации. Они также служат компасом, указывающим направление для нашей политики и тех, кто ее делает. Воодушевление наблюдается в самых разных классах и кастах: в школах среди трущоб, называющих себя «Кембридж» и «Оксфорд»; в бурно растущих индийских городах, куда люди направляются в поисках работы; в том факте, что новые герои Индии – это ведущие бизнесмены, вроде Нараяны Мерфи, и звезды маленьких городов, такие как игрок в крикет Махендра Сингх Дхони. Новая Индия объединяется не только благодаря стремлению к новым достижениям и жажде лучшей жизни, но и благодаря беспрецедентной уверенности в том, что такая жизнь возможна для каждого, независимо от его социального и экономического статуса.

Навстречу своим возможностям

Не будем забывать, в каких обстоятельствах Индия отказалась от социалистической модели. В начале 1990-х гг., в разгар кризиса, правительство вынужденно согласилось на реформы. Нарасимха Рао, бывший в то время премьер-министром, сказал: «Когда нет выбора, решения принимать легко». Даже при виде полной несостоятельности социализма класс политиков неохотно расставался с тем, что казалось наследием основателей Индии и смелым ответом колониализму.

Сегодня, однако, благодаря реформам появился быстро растущий оживленный рынок и расширяющийся класс работников и потребителей, и мы не жаждем вернуться к нашему изоляционистскому прошлому. Но для повсеместной поддержки реформ необходим более широкий консенсус. Иными словами, для того, чтобы преодолеть политику особых интересов и тенденции к популизму, надо сосредоточиться на разумных, рациональных идеях эгалитаризма.

Наша политика не должна определяться контекстом колониализма или капитализма. Мы должны сосредоточиться на результатах – воевать «не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, бедности, отчаяния и хаоса»^[12]. Подозрительное отношение к частному предпринимательству, глобализации и рынку обязано своим существованием нашей истории и тому идеализму, который пробудили в нас первые лидеры. Но надо помнить, что в некоторых отношениях Индия по существу остается детищем Неру. Джайрам Рамеш, заместитель министра торговли в правительстве Объединенного прогрессивного альянса и мой бывший коллега по экзаменам в Индийский технологический институт в Бомбее, подчеркивал, что, несмотря на ущерб от поощрявшей монопольный бизнес политики, «наши ранние протекционистские меры создали нишу для мощной отечественной промышленности. В области исследований и разработок мы построили “научные султанаты” и создали превосходные высшие учебные заведения». Такое наследие дало нам определенные преимущества после проведенной либерализации. Оно объясняет, почему Индия пошла по пути наукоемкого роста, который нехарактерен для развивающейся экономики. Мы смогли найти эффективное применение сформировавшемуся за много лет слою образованных людей. Наши отрасли экономики, как старые, так и новые, сохраняют свои позиции в условиях развития внешней торговли и притока капитала. Наша сила в здравом смысле и гибкости, а не в догме и позе. Полезно вспомнить, что сам Неру сказал незадолго до смерти: «Если мы не решим радикально базовые проблемы страны... безразлично, кем мы себя будем считать: капиталистами, социалистами, коммунистами или еще кем».

По большому счету, когда разговор идет о наших позициях и идеях, я предпочитаю быть правым, а не праведным, и отказаться от эмоций в пользу рациональных аргументов. Надеюсь, что в данной книге мне это удалось. Надеюсь также, что эту книгу прочтут мои коллеги, бизнесмены, представители средств массовой информации и правительства, даже если они будут размахивать ею над головой и громко опровергать мои аргументы. Я приветствую дебаты.

Мне представляется, что водораздел между старой и новой Индией определяется поколениями. «Величайшие различия во взглядах, которые наблюдаются в нашем парламенте, объясняются возрастом, – сказал один из самых молодых политиков в стране Джей Панда. – Молодые более открыты новым идеям и готовы их применять». Так же и в экономике: новая, оптимистичная и воодушевленная Индия – это страна молодых. Предприниматели, занимающие руководящие посты в отраслях – от телекоммуникаций до банков и производства, – удивительно молоды, их лица лишены морщин. В частном секторе собираются команды молодых менеджеров, аналитиков и инженеров. Средний возраст сотрудников Infosys – 27 лет.

Индия – настолько молодая страна, что 50 % населения пока еще не имеют избирательного права, иными словами, при определении индийской политики и ведении публичных деба-

тов сейчас не слышно голоса целого поколения. Это – дети либерализации, у них совершенно иные взгляды на наши традиции и действия, чем у большинства нынешних избирателей и политиков. У них свои представления о решении таких неотложных проблем, как наша образовательная политика и реформа трудового законодательства, и о разнице между левыми и правыми взглядами.

Главным для индийских преобразований являются активность и энергия людей независимо от их возраста. В их число входят не только работники наукоемкой индустрии и представители образованного класса. Миночер Растом Масани или Мину Масани, как его называют все – от друзей до избирателей, был среди первых индийских истинно либеральных мыслителей. Его идеи не были оценены по достоинству. В парламенте Мину в 1950–1960-е гг. представлял оппозицию, будучи лидером единственной в Индии партии Сватантра, боровшейся за свободный рынок. Его записки о стране вначале были оптимистичными, но затем он разочаровался в пути, выбранном Индией в политике и экономике. Он писал: «Если кто-то и спасет Индию, то это будет маленький человек».

Именно это и происходит сейчас. Экономику Индии, в которой доминировал государственный сектор, привел к краху не только кризис 1991 г. К тому времени она уже рушилась под тысячами слабых толчков – ее подтачивали забастовки, студенческие протесты, бунты фермеров, ботинки, запущенные в министров на предвыборных ралли, провалы на выборах, ведущие к отставкам правительств. Именно «маленькие люди» Мину – люди, требующие действенных решений и недовольные бесполезной идеологией, – выдвинули новую политику на передний план, стали инициаторами перемен и сформировали образ новой Индии.

Часть I

Переосмысление Индии

Идеи, получившие признание

Идеи, получившие признание

Приятно сознавать, что мое поколение служит мостом между старой и новой Индией, что оно перешагивает через преграды и убеждения, разделяющие две страны. Именно мы толпились на улицах в 1950-е и в 1990-е гг., а в детстве со своими родителями приветствовали вождя нации Неру и черпали вдохновение в его идеях «сострадающего государства» и любви к родине. Именно мы, уже много повидавшие за прошедшие годы, присутствовали при провозглашении политики реформ Манмоханом Сингхом в 1991 г. Со своими спокойными манерами, мягкой, учливой речью и экономическими взглядами этот политик был прямой противоположностью Неру, но он так же свято верил в силу идей. Именно нам довелось увидеть, насколько изменилась Индия и насколько важны идеи в ниспровержении старых представлений.

Интересно наблюдать процесс смены убеждений в стране на протяжении десятилетий. Толчок к началу перемен в Индии был дан не на крепостных стенах Красного форта в Дели и не в корпоративных залах заседаний в районе Нариман-пойнт в Бомбее.

Нет, эти новые идеи получили признание благодаря широкому распространению среди людей, видевших пропасть между реальностью и тем, в чем их пытались убедить. Карьера тех, кто получил образование на хинди, в один прекрасный день разбилась о барьер в виде английского языка. Рабочий-строитель, смотревший с подозрением на технологию и компьютеры, вдруг обнаружил, что для получения новой работы ему необходим мобильный телефон с зарядным устройством за десять рупий. Индийский инженер, который учился ради получения работы в Кремниевой долине, открыл перспективы глобализации. А сельскохозяйственный рабочий из касты далитов, который долгое время по экономическим причинам оставался на втором плане, почувствовал, что его политический голос становится громче, и что в его силах изгнать дискриминацию из политики.

Случилось так, что начало моей карьеры пришлось на эпоху смены этих идей. Когда в 1981 г. мы с коллегами размышляли о создании Infosys, у меня не было недостатка в друзьях и родственниках, пытавшихся отговорить меня от этого «авантюрного предприятия». «Не будь идиотом, – говорил мне дядя, – здесь невозможно начать дело, это всем известно». Однако два десятилетия спустя меня чествовали как предпринимателя в первом поколении, а мой отец-социалист присутствовал на всех собраниях акционеров Infosys.

Работая в компании, я наблюдал множество подобных трансформаций. Одна из них – быстрое изменение отношения к ИТ в индийской экономике. Еще 15 лет назад председатель ведущего в стране банка Union Bank of India критически смотрел на мои попытки показать преимущества компьютеризации банков. Однако недавно его преемник позвонил мне и с гордостью сообщил, что они управляют банком через систему с центральным компьютером.

Индия много приобрела от таких грандиозных перемен в нашем отношении к народу, предпринимателям, английскому языку, глобализации и демократии. Эти перемены сделали Индию страной, которая сумела достичь уникального темпа развития, страной, где основные достоинства объединились и стали более зрелыми. В мире есть страны, обладающие демографическими преимуществами, но лишённые демократии, необходимой для их использования. Есть нации с огромными природными ресурсами, но не имеющие своих предпринимателей и технологий, которые вели бы страну к процветанию. Есть страны, настолько напуганные

неудачным опытом глобализации, что избегают ее, ограничивая свой внутренний потенциал. На мой взгляд, в мире сегодня нет страны, которая обладала бы таким же набором преимуществ и, следовательно, такой же уникальной перспективой, как Индия.

Мы, индийцы, глубоко переживаем и наши поражения, и наши успехи. Поэтому ни для кого из нас эти два с половиной десятилетия роста не прошли незамеченными. В какой бы уголок Индии меня ни заносило, я видел, что люди знают об успехах и недостатках развития страны. Мы в массе своей уверены, что страна достигла совершеннолетия. Но это был нелегкий путь. Прежде чем заслужить всеобщее признание, идеи, легшие в основу индийской экономики, пробивали себе дорогу десятилетиями из-за политических бурь и социальных потрясений. Оглядываясь назад, можно сказать, что каждая составная часть индийского чуда тоже кажется немножко чудесной.

Народ Индии

Сегодня понедельник, и в Дели с утра царит хаос. Несмотря на новенькое метро и постоянно расширяющуюся сеть автомобильных дорог, город едва справляется с толпами куда-то спешащих людей. Дом Каушика Басу стоит неподалеку от шоссе на тихой улице. Когда я подъехал, улица была пустой, если не считать одинокой ленивой коровы, которая встала перед автомобилем и не спешила уступать место. Я сильно опоздал, немного испачкался, но был в приподнятом настроении.

Мы говорили с Каушиком о том, что городская толпа выглядит совершенно иначе, чем, скажем, 20 лет назад. Тогда люди слонялись у чайных лавок, читали днем утренние газеты, вяло попыхивали своими биди¹¹ и болтали ни о чем. Но, поскольку Индия изменилась, вырвалась вперед, стала одной из самых быстрорастущих в мире держав, изменилась и картина на улицах. Как заметил Каушик, бесконечное гуденье, гомон людей – это звук нынешнего индийского экономического мотора.

Каушик – автор множества книг об Индии. Он преподает экономику в Корнельском университете, и его взгляд на человеческий капитал как основу развития Индии сегодня широко признан. Позиция Индии как страны, куда весь мир идет за талантами, вряд ли кого-нибудь удивит. У нас то одно, то другое нередко в дефиците, но народу всегда было много. Суматошную городскую толчею я наблюдаю каждый день, когда пробираюсь в свой в офис в Бангалоре через толпу, которая, заполнив тротуар, выплескивается на проезжую часть. На остановках инженеры-программисты поджидают автобус, группы женщины в ярких сари идут на выстроившиеся вдоль дороги швейные фабрики, мужчины в строительных касках, направляющиеся к недостроенному шоссе. У машин постоянно крутятся люди, которые предлагают журналы и пиратские копии последних бестселлеров¹². Оглядываясь вокруг, я думаю, что если все эти люди – двигатель роста Индии, то наша экономика только начинает свое движение.

Вместе с тем, по мнению демографов XIX и XX вв., индийское население должно было стать для страны грандиозным бедствием. Визит Пола Эрлиха в Дели в 1966 г. описан в начале его книги «Демографическая бомба» (The Population Bomb), и его шок при виде индийской толпы можно ощутить почти физически: «Люди едят, люди моются, люди спят... Люди ходят в гости, спорят и кричат... Люди висят на автобусах... везде люди, люди, люди».

Однако за последние 20 лет гнетущий образ индийского населения как «непомерного бремени», изменился на прямо противоположный. С развитием страны наш человеческий капитал стал источником работников и потребителей не только для Индии, но и для глобальной экономики. Такая перемена взглядов далась нам нелегко. После обретения независимости Индия десятилетиями пыталась проводить политику ограничения роста населения. И лишь недавно страна смогла взглянуть на миллиардное население как на преимущество.

«Миллионы в муравейнике»

На протяжении большей части XX в. как в Индии, так и за рубежом люди смотрели на нас через мальтузианскую призму. Наша страна, бедная и сильно перенаселенная, словно подтверждала мрачное предсказание Томаса Мальтуса о том, что сильный рост населения неизбежно ведет к великому голоду и отчаянию.

¹¹ Тонкие сигареты без фильтра, скрученные из листьев и набитые табаком.

¹² «Алхимик», «Покер лжецов» и (Тому Фридману приятно будет это узнать) «Плоский мир» – излюбленные издания индийских книжных пиратов.

Ситуация того времени, когда жил писатель, экономист-любитель и священник Томас Мальтус (за которым надолго закрепилось прозвище «мрачный священник»), вполне могла вызвать появление такой теории народонаселения. В XIX в. в Англии уровень рождаемости был очень высок: в семьях считывалось до 13 детей. Мальтус был вторым ребенком из восьми и сам являлся частью демографического взрыва, о котором он писал в своем «Опыте о законе народонаселения», предвещая, что беспрецедентный рост населения приведет к вспышкам голода, «эпидемиям и периодам повышенной заболеваемости».

Казалось, что Индия в точности следует путем, предсказанным Мальтусом. Голод на наших берегах – частый гость. Между 1770 и 1950 гг. мы пережили 30 периодов голода¹³ – бедствий, во время которых целые провинции теряли треть населения, а сельская местность была покрыта «отбеленными костями миллионов погибших»^[13].

К середине XX в. неомальтузианские пророки били тревогу в связи с «катастрофическим» ростом населения в Индии и Китае и предсказывали, что он окажет влияние на весь мир. Их апокалиптические сценарии помогали оправдать драконовские меры по контролю рождаемости. Политика «стерилизации негодных и неполноценных» и убийства «дефектных» детей получила статус уважаемой теории^[14]. Возраставшая зависимость Индии от продовольственной помощи развитых стран тоже подогрела панику вокруг роста населения. В 1960 г. Индия поглотила одну восьмую часть всего произведенного в США зерна, а в 1966 г. – четверть.

Таким образом, если в 1950 и 1960 гг. вы уже были взрослым и следили за новостями, вам вполне могло показаться, что финал человечества уже недалеко. Вы могли даже поверить утверждениям, что катастрофа подстроена чрезмерно плодовитыми индийцами. При виде горестно заломленных рук Неру отметил, что западный мир «начал опасаться того, что массы азиатов, разрастающиеся все больше и больше, заполонят весь мир».

Нельзя отрицать, что в традиции нашего поколения были большие семьи, даже у представителей среднего класса. В детстве я каждые выходные проводил с братьями и сестрами в доме бабушки и дедушки, и на семейных фотографиях тех лет можно увидеть сотню родственников, с трудом уместившихся в объективе. Индийские семьи были достаточно большими, чтобы стать для человека главной социальной группой. Большинство людей не выходило за пределы семейных свадеб, праздников и визитов.

Обеспокоенность по поводу роста населения вылилась в сильное давление на Индию с целью ограничить уровень рождаемости. Мы стали первой развивающейся страной, которая инициировала программу планирования рождаемости. Но поначалу в нашей политике ставка делалась на «самоконтроль»^[15]. В определенной мере это произошло под влиянием лидеров вроде Ганди, проповедовавших умеренность. Он даже отступил от своей обычной политики ненасилия, сказав однажды: «Если нужно, жены должны силой выгонять мужей».

Такой акцент на умеренности и самоограничении поддерживал и первый в независимой Индии министр здравоохранения Раджкумари Амрит Каур, который занял странную позицию: стоя у руля программы планирования рождаемости, он «в принципе» был против ограничения числа детей^[16]. В результате власти в это десятилетие пропагандировали такой способ контрацепции, как метод естественного цикла. Мишенью этой пропаганды стали сельские районы Индии, и один крестьянин так сказал о ее результате: «О методе естественного цикла толковали людям, не знавшим, что такое календарь. Потом нам раздали четки с разноцветными бусинами... и ночью люди не могли отличить красную бусину, означавшую “нельзя”, от зеленой, означавшей “можно”»^[17].

¹³ Амартия Сен и другие указывали, однако, что, хотя эти периоды голода и кажутся следствием бедности и перенаселенности страны, их причиной в определенной мере были торговая политика и отсутствие инфраструктуры. В разгар голода 1876–1878 гг. лорд Литтон экспортировал зерно из Индии, а плохая транспортная система в стране затрудняла доставку зерна в голодающие районы.

Неудивительно, что население Индии продолжало расти и в 1950, и в 1960 гг., – рождаемость стойко держалась на высоком уровне, а детская и общая смертность быстро падали. И все это несмотря на массовую пропаганду планирования рождаемости, проводимую правительством. Я до сих пор помню песни по радио о «небольших семьях», стены наших городов и автобусы, украшенные плакатами с изображением счастливых (и маленьких) семей и лозунгами вроде «Двое нас и двое наших». Несмотря ни на что каждая перепись выявляла рост численности населения, и мы с отчаянием смотрели на график, поднимавшийся слишком быстро и слишком высоко.

Чик! – и готово...

Когда в 1960-е гг. вокруг численности населения поднялась глобальная паника, индийское и китайское правительства приступили к решительным мерам по планированию рождаемости. «В нашем доме пожар», – заявил в 1968 г. министр здравоохранения и планирования семьи доктор Чандрасекхар, добавив, что если мы займемся стерилизацией, «то сможем укротить пламя»^[18].

К началу 1970-х гг. для индийских штатов были определены программы и целевые показатели стерилизации граждан. На железнодорожном вокзале Виктория терминус в Бомбее даже существовала клиника по вазэктомии, обслуживавшая пассажиров^[19]. Но какие стимулы и подачки ни предлагало индийское правительство, число желающих подвергнуться стерилизации не увеличивалось. Индийские бедняки хотели иметь детей, особенно мальчиков, которые могли обеспечить их в будущем. Попытки государства убедить граждан пройти процедуру стерилизации привели к неожиданным результатам, например, многие сельские жители отказывались от противотуберкулезной прививки БЦЖ (бацилла Кальметта-Герена) из-за слухов, что аббревиатура BCG расшифровывалась как birth control government, т. е. «правительственный контроль рождаемости»^[20].

Однако в 1975 г. Индира Ганди объявила чрезвычайное положение, ограничившее демократические права и выборы и, так сказать, наделившее ее новой силой убеждения. Индийское правительство трансформировалось в пугающе лстивую группу, сделавшую ставку на премьер-министра и ее сына Санджая – того самого молодого человека с горячей головой, который называл министров «невежественными шутами», считал свою мать «размазней», а филиппинского диктатора Фердинанда Маркоса – образцом для подражания^[21].

Зимой 1976 г. я вместе с сокурсниками по Индийскому технологическому институту в Бомбее приехал в Дели на «фестиваль» для участия в студенческих дебатах и викторинах (да, я был закоснелым занудой-ботаником). Конкурсы предполагали перемещение из колледжа в колледж: из Хинду в колледж св. Стефана, далее в Миранда-хаус, а затем в Индийский технологический институт в Дели. В Бомбее мы, в большинстве своем, жили в изолированном лесном кампусе и не были такими политически подкованными, как студенты в Дели. Выборы, в которых мы участвовали, касались совета общежития да студенческого совета. И вот, сидя у лагерных костров в Дели, во время чрезвычайного положения, мы, затаив дыхание, слушали рассказываемые вполголоса истории о творившихся вокруг жестокостях, особенно о зверстве под названием «насбанди». Почувствовав вкус к авторитаризму, Санджай сделал своим любимым проектом стерилизацию, а именно стерилизацию мужчин, или насбанди.

Предложенные меры стерилизации вошли в историю под названием «эффект Санджая». Это было, по выражению демографа Ашиша Боса, сочетание «насилия, жестокости, коррупции и подтасовки данных». Ашиш отмечает, что для побуждения граждан к стерилизации издавались законы, разрешавшие выдачу сельскохозяйственного кредита только при наличии сертификата о стерилизации. У многодетных родителей в школу не принимали больше трех детей, а заключенные не получали условно-досрочного освобождения, пока не ложились под нож. В

некоторых правительственных департаментах работников «убеждали» подвергнуться процедуре, угрожая им обвинением в растратах¹⁴.

Непомерно высокие планы стерилизации, спущенные правительствам штатов, выполнялись так: людей загоняли как овец в клиники «планирования семьи». Один журналист был свидетелем того, как муниципальная полиция городка Барси в штате Махараштра «схватила на улицах несколько сотен крестьян, приехавших на ярмарку». Этим людей отвезли в мусоровозах в местную клинику, где во время вазэктомии их держали крепкие санитары^[22]. Такие сцены повторялись по всей стране.

Результатам стерилизации, опубликованным правительством, трудно доверять, поскольку на штаты оказывали сильное давление. Тем не менее, как замечает Ашиш, в период чрезвычайного положения план по стерилизациям мог быть выполнен на две трети, что составляет восемь миллионов человек. Но вскоре в страну вернулась демократия. Когда в 1977 г., невзирая на яростные протесты Санджая^[23], Индира Ганди назначила выборы, Индийский национальный конгресс сразу потерял власть.

Программа насбанди была последней гримасой насильственного ограничения рождаемости в масштабе страны, она стала синонимом политического самоубийства. Правительство Бхаратия джаната парти, пришедшей к власти после Индиры, чтобы стереть позорное пятно, даже изменило название программы, и «планирование семьи» превратилось в «охрану семьи». Позднее, хотя программы стерилизации время от времени и появлялись в разных штатах, они осуществлялись по большей части добровольно, путем создания стимулов¹⁵.

Разные судьбы

Мы в Индии привыкли ворчать, что у нас все идет медленно: медленно осуществляются реформы, медленно принимаются перемены, особенно в сравнении с нашим соседом Китаем. На мой взгляд, демократия, возможно, и медлительна, но она значительно осторожнее автократии, а потому менее склонна к ужасным ошибкам. Лучше поразмыслить и действовать с оглядкой на избирателя, чем очертя голову бросаться в пропасть.

Например, в 1960-е гг. во время мальтузианской истерии международные организации оказывали нажим, а временами прямо толкали Индию и Китай к контролю роста населения. В Индии препятствием на пути к этому были избиратели: им не нравилась идея планирования рождаемости и никакие красивые лозунги не могли изменить их настроение. После того, как правительство, узаконившее насбанди, лишилось власти, никто в индийском руководстве не хочет даже слышать о силовом решении проблем планирования рождаемости.

Китай, однако, маршировал под другую мелодию. Поначалу китайцы меньше всего думали об ограничении рождаемости. Социализм и коммунизм появились на свет во времена Мальтуса, и их идеологи занимали абсолютно антимальтузианскую позицию^{16[24]}. Марксисты даже, презрев осмотрительность, утверждали, что социализм может «поддержать любой уровень народонаселения». Чем больше, тем веселее!^[25]

¹⁴ Асока Бандарадж пишет, что в разгар стерилизационной лихорадки в Индии появилась группа «скоростных врачей», проводивших операции наперегонки: кто больше успеет за день. При этом операции часто проводились в антисанитарных условиях. Знаменитостью стал индийский гинеколог Мехта, который попал в Книгу рекордов Гиннеса за то, что стерилизовал за 10 лет 350 000 человек. Он утверждал, что может стерилизовать 40 человек в час.

¹⁵ Такие стимулы выглядели странно и даже подозрительно. Например, программа «оружие в обмен на стерилизацию» в штате Уттар-Прадеш в 2004 г. В соответствии с ней индийцы, покупавшие огнестрельное оружие или получавшие лицензию на него, должны были представить кандидатов на стерилизацию. В одном из районов штата Мадхья-Прадеш в 2008 г. тоже действовала программа «оружие в обмен на вазэктомию».

¹⁶ Маркс с презрением отвергал взгляды Мальтуса. Он писал: «Если читатель напомним мне про Мальтуса, чей «Опыт о законе народонаселения» вышел в свет в 1798 г., я отвечу, что эта работа... не более чем школярство, поверхностный плагиат... в ней нет ни одного предложения, выражающего собственную мысль автора».

Проводя эту идеологическую линию, Советский Союз в 1940-е гг. запретил аборт и побуждал женщин заводить несколько детей. В Китае Мао в стремлении ускорить развитие республики поддерживал большие семьи и хвастался ростом населения. К 1970 г. на одну китайку приходилось в среднем 5,8 рождения. Когда ректор Пекинского университета доктор Ма Иньчу в 1950-е гг. предложил ввести программу планирования рождаемости, он встретил решительный отпор, его публично осмеяли и выгнали из университета.

К концу 1970-х гг. китайское правительство тоже поддалось панике в связи с перенаселением и для обеспечения «социальной гармонии» и оптимального роста стало заниматься вопросом контроля численности населения. Сначала оно инициировало кампанию под лозунгом «Позже, Дольше, Меньше!», а потом приняло политику «одна семья – один ребенок», которую Дэн Сяопин начал проводить с 1981 г. У Дэна был предельно жестокий подход к планированию рождаемости, он говорил своим чиновникам: «Сделать! Любыми способами и любыми средствами!»^[26] То, что последовало затем, называлось «технической политикой планирования рождаемости». Женщинам в семьях с одним ребенком предписывались внутриматочные контрацептивы, а супружеским парам с двумя детьми – стерилизация. Рожденные в провинциях «незаконные» дети понижали оценку работы чиновников и министров. В дополнение к тактике сильной руки правительство пропагандировало идею контроля рождаемости, размещая плакаты в кинотеатрах и на досках объявлений, распространяя листовки. К середине 1980-х гг. число операций, связанных с контролем рождаемости, «превышало 30 млн в год»^[27].

С господствующей в 1970-е и 1980-е гг. точки зрения программа планирования семьи в Китае имела оглушительный успех. Аргументом в ее защиту был знакомый лозунг диктаторов: «принуждение ради благого дела»^[28]. В 1983 г. Индира Ганди и министр планирования семьи Китая Цянь Синьчжун совместно получили премию ООН за «выдающийся вклад в решение вопросов народонаселения»^[29]. Однако, когда эти премии вручались, взгляды на численность населения уже начинали меняться.

От помехи к преимуществу

К концу 1970-х гг. ученые-мальтузианцы оконфузились. Они предрекали, что к этому времени в Индии и Китае начнутся массовые бедствия, связанные с ростом населения. В одной книге ужасов, написанной Уильямом и Полом Пэддоками и выпущенной под названием «Голод 1975!», был приведен список стран, которым понадобится помощь во время неотвратимого великого голода. В нем были такие пометки: «Пакистан: нуждается в поставках продовольствия; Индия: спасти невозможно». Эти идеологи и писатели оказали такое влияние на массовую культуру, что в 1973 г. на экраны вышел голливудский фильм «Зеленый сойлент»¹⁷, рассказывающий о будущем, где на перенаселенной Земле идет борьба за пищу и процветает каннибализм.

Но шли годы, конец света в 1975 г. не наступил – братья Пэддок, наверное, ждали его, затаив дыхание, однако массовой гибели людей так и не дождались. К 1980 гг. ученые начали хмыкать и качать головами в адрес теоретиков депрессии и вновь исследовать влияние численности населения на экономический рост. Индийский экономист (недавний нобелевский лауреат) Амартия Сен отметил, что с тех пор, как Индия стала демократической, в стране не было голода, хотя ее население продолжает расти. По мнению экономиста Джулиана Саймона, по мере роста населения растет и его творческий и инновационный потенциал: «Самый важный ресурс – это человеческая изобретательность»^[30].

Оглядываясь назад, можно утверждать, что теория Мальтуса была довольно ограниченной, но его идеи определялись временем. Мальтус написал свою работу, когда в Европе про-

¹⁷ Название продукта питания, который по сюжету фильма производится из человеческих останков. – Прим. пер.

мышленная революция делала первые успехи и, хотя он признавал рост возможностей с ростом числа людей, человеческий капитал не оказывал на экономику такого преобразующего действия, как сейчас. В тот период в Англии царили мрачные настроения. Города захлестнули массы мигрантов из деревень. Они жили очень скученно, и Чарльз Диккенс описывал места их обитания так: «Три семьи на втором [этаже], голод – на чердаке, ирландцы в коридоре... уборщица и пятеро голодных детей в задней комнате, и везде грязь»^[31]. Люди стоили дешево и не имели гражданских прав, в том числе прав на социальную помощь. Они обеспечивали владельцев фабрик трудовыми ресурсами, с которыми те обходились жестоко. Один фабрикант так описывал свою гуманность: «мы бьем только тех, кто помоложе... до 13–14 лет порем их ремнем»^[32]. Стоимость труда была чрезвычайно низкой, а доля труда в национальном доходе европейских стран продолжала падать до мировой войны.

Но если Мальтусу простительны мрачные пророчества, то его подобные леммингам последователи, озабоченные лишь тем, кто и сколько ест, не смогли разглядеть изменений в мировой экономике. С 1900 г. в мире начался быстрый рост производительности труда, который в сочетании с подъемом индустриальной экономики внес свой вклад в общий темп экономического роста. Это было особенно заметно, когда после 1900 г. европейский ВВП стал удваиваться каждые 35 лет. И, поскольку труд стал важной экономической силой, численность работающего населения приобрела ценность.

Представление об избытке населения не как об обузе, а как об активе широко распространилось в 1970-е гг. с подъемом наукоемких отраслей, таких как информационная, телекоммуникационная и биотехнологическая. Фактически информационная экономика – это кульминационный пункт процесса, начатого промышленной революцией. Она переместила человеческий капитал вперед и в центр, сделала его главным фактором производительности и роста.

Я, однако, стараюсь сдержать свой оптимизм – его излишек так же плох, как и бескрайний пессимизм, относительно роста численности населения. Давление со стороны огромного населения Индии так же огромно. Наши природные ресурсы – не бездонный океан. Миллиард человек – это прочный фундамент для человеческого капитала, но это также потенциально пагубное бремя для окружающей среды, производства продуктов питания и ресурсов. По мере того как миллионы людей переходят в средний класс растет потребление продуктов и энергии на душу населения. Нам предстоит найти решения этих проблем.

Тем не менее человеческий капитал в Индии до сих пор давал большое преимущество экономике, особенно после реформ 1991 г. Наши квалифицированные работники занимают ключевые места в ИТ, биотехнологии, фармацевтике и телекоммуникационной индустрии. Творческий потенциал людей и экономическая конкурентоспособность тесно связаны и на глобальном уровне, а конкуренция между странами – это конкуренция их человеческого капитала. Как замечает Том Фридман, если раньше детям велели доест, говоря, что другие голодают, то сейчас «я прошу дочерей доделать уроки, потому что в Индии и Китае люди остро нуждаются в работе»¹⁸.

Чтобы лучше понять, как и почему изменились наши представления о населении, я решил поговорить с гарвардским демографом Дэвидом Блумом¹⁹. Мы познакомились в 2006 г. в Давосе после того, как работа под названием «Демографические сдвиги и экономические чудеса в развивающихся странах Азии» сделала его знаменитым в научных кругах. Сейчас он один из тех ученых, слова которых неизменно приковывают к себе внимание.

¹⁸ Ирония заключается в том, что помощь в подготовке домашних заданий стала аутсорсинговой услугой, которую индийские компании вроде TutorVista, предлагают родителям в США.

¹⁹ В Бангалоре Дэвида принимают как своего. Его тесть Амулья Редди был известным ученым-энергетиком.

Дэвид пояснил, что ключевая проблема ранних теорий народонаселения заключалась в том, что «они замыкались на росте населения как на единственном показателе и не замечали тенденций, скрытых за цифрами». Эти тенденции обнаружились, когда он и его коллега, демограф Джеффри Уильямсон, взялись за исследование одного конкретного региона – Восточной Азии.

Экономисты не могли объяснить, что именно случилось в Восточной Азии между 1965 и 1990 г., откуда взялся впечатляющий экономический рост, достигавший в среднем 6 % в год. Чтобы снять с себя ответственность, они подобно сторонникам фаталистических взглядов ввели новый термин, назвав рост в Восточной Азии «экономическим чудом».

Но когда Дэвид и Джеффри заглянули внутрь восточноазиатской «волшебной шляпы», они обнаружили, что быстрый рост сопровождается интересной тенденцией изменения структуры народонаселения. В период с 1950 по 2000 г. вероятность смерти ребенка, родившегося в Восточной Азии, резко упала со 181 на 1000 родившихся до 34, а это вызвало снижение рождений на одну женщину с шести до двух.

«Но между изменением этих двух показателей был временной разрыв, – говорит Дэвид, – когда детская смертность начала падать, а рождаемость все еще оставалась высокой». Говоря проще, людям потребовалось время для осознания того, что дети теперь умирают реже. И только тогда, по словам Дэвида, они начали снижать рождаемость. «А дети, которым удалось выжить, положили начало поколению “бума рождаемости”».

Из этого поколения вышло много молодых, предприимчивых работников. Они не стремились заводить много детей и, таким образом, у них было меньше иждивенцев. В это время трудоспособное население Восточной Азии росло почти в четыре раза быстрее, чем нетрудоспособное население. В результате экономика региона должна была тратить на социальные нужды нетрудоспособного населения меньшую долю своего дохода. А более низкие затраты, в свою очередь, означали что это поколение могло отложить больше денег. Мы наблюдаем это в Индии, где более многочисленное трудоспособное население увеличило уровень сбережений страны по отношению к ВВП до 35 % в 2008 г., и эта тенденция сохраняется. К 2015 г. он должен превысить 40 %. Такие сбережения создают дополнительный капитал для инвестиций.

Дополнительные деньги особенно ценны для поколений, родившихся в периоды демографических взрывов, когда накопленная энергия и креативность молодого, необремененного населения позволяет людям не только тратить и сберегать, но и изобретать, и вводить новшества. Как писали Блум и Уильямсон: «Когда у вас много детей, вы должны заботиться о них. Ресурсы, которые обычно вкладываются в развитие экономики – в инфраструктуру, в капитал, в сбережения, – направляются на содержание детей. Вы уже не постройте столько мостов и столько портов, не углубите столько гаваней».

К тому же, поскольку количество детей в расчете на одну женщину в Восточной Азии снизилось с шести до двух, женщины смогли активнее включаться в трудовой процесс и тоже внесли свой вклад в рост ВВП. Это демографически богатое поколение на правах производственной и технологической силы ведет к подъему Восточной Азии. В Сингапуре растет производство и розничная торговля, в Гонконге – финансовый сектор, на Тайване – электронная промышленность.

В целом Блум и Уильямсон пришли к выводу, что экономический рост Восточной Азии в 1965–1990 гг. на одну треть обусловлен вкладом именно этой волны молодых работников²⁰. «Мы показали, – сказал Дэвид, – что определенные виды роста населения могут кардинально ускорять развитие страны, а не препятствовать ему, как привыкли считать экономисты».

Дэвид назвал этот эффект «демографическим дивидендом». Это понятие быстро вошло в лексикон экономистов, и не без основания. Когда демографы обратились к прошлому и изу-

²⁰ Расчет этого вклада нельзя назвать точным, данные Блума и Уильямсона оценочные.

чили периоды продолжительного экономического роста в Европе, США и Азии, они обнаружили, что и там наблюдалось увеличение численности молодежи и уменьшение числа иждивенцев.

С тех пор ученые находят в истории все новые следы демографических дивидендов. Например, побочным результатом промышленной революции был демографический бум – тот самый бум, который беспокоил Мальтуса. «Причины, порождавшие эти дивиденды, в разных странах были не одинаковы, – говорит Дэвид, – сдвиги в смертности и рождаемости объяснялись разными причинами. Например, улучшение медицинского обслуживания в Европе и, в частности, в Великобритании, быстро принесло дивиденды, поскольку в результате снизилась детская смертность. Это справедливо и для развивающихся стран. В Индии прогресс здравоохранения тоже принес свой дивиденд»²¹.

В развитых странах на фоне их низкой смертности и рождаемости демографический дивиденд появляется редко и связан с экстраординарными событиями. Например, с войной. Вторая мировая война вынудила людей отложить рождение детей, а потом произошел всплеск рождаемости, давший начало беби-буму и демографическому дивиденду в США. Послевоенный дивиденд привел к быстрому росту экономики и обеспечил в период с 1970 по 2000 г. приблизительно 20 % роста ВВП.

В Ирландии демографические изменения подстегнула легализация противозачаточных средств. Детская смертность была там невысокой, но когда в 1979 г. глубоко религиозная, католическая страна окончательно легализовала контрацептивы, уровень рождаемости в Ирландии начал быстро падать. Дэвид пишет: «В 1970 г. на среднюю ирландскую женщину приходилось 3,9 ребенка, к середине 1990-х этот показатель стал меньше двух». Когда снизилось количество иждивенцев, а ирландские женщины пополнили рабочую силу, демографический дивиденд стал трамплином для взлета экономики: темп ее роста составил в среднем 5,8 % – это выше, чем в любой другой европейской стране.

Однако во всех этих примерах мы имеем дело лишь с прошлыми демографическими всплесками. Как выразился Дэвид, «это свиньи, которые уже прошли через питона». Население США, стран Европы и Восточной Азии седеет и стареет. А это приводит нас к вопросу: а где же сейчас молодежь? В 1970-е гг. две большие страны – Индия и Китай – еще получали свои демографические дивиденды.

Дивиденды автократии против дивидендов демократии

Идея, получившая в Китае широкую поддержку в 1970-е гг., была эхом заявления, сделанного Индийским национальным комитетом по планированию еще в 1938 г. В нем говорилось: «Важность продуманного контроля численности [населения] в плановой экономике переоценить невозможно»^[33]. Если в Китае эта идея была успешно реализована, то в демократической Индии она оказалась неработоспособной. С точки зрения воплощения перспективной политики – нравится она вам или нет – автократические режимы оказываются гораздо эффективнее демократических. В эпоху получения демографического дивиденда, однако, действенная политика планирования рождаемости в Китае оказалась тем самым случаем, когда, побеждая в сражении, проигрывали войну.

Индия и Китай в 1975 г. имели одинаковые доли населения трудоспособного возраста. В обеих странах на одного неработающего приходилось примерно 1,3 работающих. Главным отличием Индии от Китая в ту эпоху была наша неторопливая, но живо реагирующая на внешние воздействия политика. В Китае в 1970-е гг. начался быстрый спад рождаемости. Во многом

²¹ Это также объясняет, почему Африка южнее Сахары пока не смогла получить своего демографического дивиденда. В этом регионе здравоохранение почти не улучшилось, а ожидаемая продолжительность жизни не увеличилась. С распространением ВИЧ/СПИД продолжительность жизни в некоторых странах региона даже падает, а детская смертность остается высокой.

он был результатом политики «одна семья – один ребенок». Этот спад принес небывалый для Китая демографический урожай. Он заключался в быстром подъеме после 1970 г. отношения численности трудоспособного населения к численности нетрудоспособных граждан. К 2010 г. число работающих должно превысить число иждивенцев в два с половиной раза.

Политика контроля рождаемости в Китае, таким образом, привела к стремительному демографическому сдвигу в стране, прирост населения снижался быстро и стабильно. В других странах цикл получения подобного дивиденда занимал столетие, здесь же на него ушло меньше 40 лет, а сейчас нарастает опасность реакции. После 2010 г. численность трудоспособного населения Китая начнет снижаться. Страна «поседеет, не успев разбогатеть»: к 2040 г. самой большой группой людей в мире после населения Индии станут китайские пенсионеры. Их численность превысит 400 млн человек!^[34]

В Индии тоже наблюдался сдвиг, но он происходил довольно вяло. Индийская политика привела к тому, что программа принудительного планирования рождаемости с треском провалилась, и с 1970-х гг. демографические кривые двух когда-то похожих стран быстро разошлись. Рождаемость в Индии медленно снизилась с 6,5 в 1960-е гг. до 2,7 в 2006 г. Этому способствовали повышение грамотности населения, улучшение здравоохранения и экономический рост. Такая более «естественная» демографическая кривая свидетельствует о более плавном формировании индийского дивиденда. Его влияние начало проявляться в 1980 г., а пика он достигнет лишь в 2035 г. К тому времени к трудоспособному населению Индии добавится свыше 270 млн человек.

Демократия в этом контексте дала Индии большой выигрыш. Ученые-демографы любят говорить, что «демография – это судьба», но в случае Индии судьба – это демография плюс демократия. Сегодняшняя история Индии – это история ее молодого поколения. С точки зрения человеческого капитала наша экономика – самая динамичная. В Индии живет один из самых молодых народов мира с медианным возрастом 23 года, в то время как остальной мир стареет.

Молодое и не обремененное заботами население Китая появилось в 1970-е гг., на три десятилетия раньше, чем в Индии. Это было поколение Большого скачка, во время которого Китай обратился к капитализму, начал быстро развиваться и испытал массированный социальный подъем. Распространение в Китае семей с одним ребенком также означало более целенаправленное инвестирование в детей: это поколение стало поголовно грамотным, а количество окончивших колледж резко подскочило. Политика «одна семья – один ребенок», однако, привела к появлению в Китае структуры населения типа «4, 2, 1»: четверо дедушек и бабушек, двое родителей и один ребенок. В результате снизилось число молодых работников, а рождаемость опустилась с начала 1990-х гг. ниже уровня восстановления. Такая структура семьи в Китае оказалась гораздо более разрушительной, чем это представлялось вначале. У социолога доктора Андре Бетейя есть одно меткое наблюдение: «Почти ни у кого из китайцев нет родных братьев и сестер, а значит, нет теток, дядьев, двоюродных братьев и сестер. В других странах мира с трудом представляют себе китайскую реальность». Семьи с одним ребенком породили также уникальный синдром «маленького императора»: единственный ребенок пользуется исключительным вниманием взрослых в семье, а это приводит к появлению «я-поколения», т. е. крайне эгоцентричных молодых людей.

Планирование рождаемости обострило также некоторые социальные проблемы. И в Китае, и в Индии по старой доброй традиции предпочтение отдается сыновьям. Это феодальный пережиток, следствие стойкого патриархального образа мыслей. Не так давно судебное разбирательство в Индии по поводу пропавшей девочки обнажил худшие стороны этого явления. Председательствовавший судья был поражен, услышав имя девочки, повернулся к родителям и спросил: «Почему вы называли девочку Нираша («Разочарование»)»? Их адвокат ответил: «Ваша честь это была их пятая дочь».

Процветание не смогло полностью искоренить эти взгляды. Хотя статус женщин повысился, а политика обеспечения старости путем финансовых инвестиций приглушила стремление иметь ребенка мужского пола, такие факторы, как ультразвуковая технология, упростили рождение ребенка желательного пола. Избирательные аборты изменили отношение полов до 925 девочек на тысячу мальчиков, а в некоторых северных районах Индии это число упало ниже 750. В Китае политика «одна семья – один ребенок» еще больше усилила дефицит девочек: в масштабе нации он составляет 855 девочек на 1000 мальчиков. «Исчезновение» женщин приведет к тому что, по прогнозам, в 2026 г. 40 млн китайских мужчин от 15 до 39 лет станут «голыми ветками»^[35], для которых вероятность создания семьи и рождение детей будет крайне низка. Оглядываясь назад, можно утверждать, что Индия получила определенные экономические и социальные преимущества только благодаря своей инертности, нежеланию или, возможно, неспособности воздействовать на свою демографическую кривую²². Это означает, что наш демографический дивиденд несет с собой и потенциал, и серьезную проблему.

Судьба Индии: демография плюс демократия

Получая свой дивиденд, Индия выглядит необычно молодой в окружении стареющего рынка, такая юная нация со свежим лицом посреди седеющего мира. Количество пенсионеров на земном шаре сейчас – самое большое в истории. Еще в 1980-е гг. главы европейских государств начали открыто беспокоиться о сокращении населения Европы. «Европа исчезает... наши страны пустеют»^[36], – сказал президент Франции Жак Ширак. – Континент становится местом, где “старика живут в старых домах и пережевывают жвачку старых идей”^[37].

Процесс старения населения и сокращения его численности сейчас заметен в большинстве стран развитого мира. По времени он совпадает с индийским демографическим дивидендом, эффект которого будет проявляться до 2050 г. Это открывает для страны новые интересные возможности, поскольку для поддержания благосостояния стареющего общества развитым рынкам придется привлекать трудовые ресурсы из внешних источников. В 2020 г. Индия по расчетам получит дополнительно 47 млн работников. Это почти равно суммарному мировому дефициту. Среднему индийцу будет всего 29 лет, тогда как средний возраст в Китае и США составит 37 лет, в Западной Европе – 45 лет, а в Японии – 48 лет.

Первый признак огромных возможностей нашего человеческого капитала – это рост индийского сектора ИТ-аутсорсинга бизнес-процессов и распространение «трансформационного аутсорсинга» благодаря транснациональным фирмам в разных отраслях. Глобальная значимость страны быстро повышается в силу эффективности ее человеческого капитала – предпринимателей, ученых, инженеров и управленцев.

Индия уже стала вторым в мире по производительности генератором квалифицированных работников. В год в стране выпускаются 2 млн англоговорящих специалистов, 15 000 человек оканчивают юридические учебные заведения и около 9000 получают степень доктора философии. Армия инженеров, насчитывающая 2,1 млн человек, ежегодно пополняется почти на 300 000.

Массив талантливых работников в сочетании с притоком капитала и инвестиций открывает перед нами простор для творчества и инноваций, которые, в свою очередь, ведут к ускорению роста производительности труда и ВВП. В XIX в. это позволило Европе стать центром инновационного производства. То же наблюдалось между 1970 и 1990 гг. на пике демографического дивиденда и в США, где рождались новые высокотехнологичные производства, задававшие в последние несколько десятилетий направление для глобальной экономики. Возмож-

²² Справедливо будет заметить, что в Индии тоже существует проблема «голых веток», но она не достигла такой остроты, как в Китае.

ностью стать новой созидательной силой и центром новых знаний и инноваций теперь обладает Индия.

Наша страна является и быстро растущим потребительским рынком для мировой экономики. Индийский средний класс по численности уже больше населения США и двух третей населения Европейского союза. Наш демографический дивиденд должен стать детонатором дальнейшего взрывного роста численности потребителей среднего класса, поскольку поколение бума рождаемости приближается к совершеннолетию, и в течение следующих двух десятилетий индийский средний класс превысит 580 млн человек. В то же время отсутствие иждивенцев откроет новую фазу свободного потребления. Благодаря этим силам, согласно прогнозам, до 2050 г. темп роста Индии будет составлять 5 %^[38]. Для мировой экономической истории это уникальное явление.

Индийский «двойной горб», или Наш демографический «верблюд»

«Показатели роста населения в разных регионах настолько различны и несопоставимы, – говорит Ашиш, – что если усреднить их, они не позволят нам делать выводы». Мы сидим в кафе, а через стеклянные стены льется свет послеполуденного солнца. Вокруг нас молодые люди сдвигают столы и собираются в веселые шумные компании. Ашиш осторожно отхлебывает капучино – кофе исключительно горячий.

Чтобы охарактеризовать состояние беднейших штатов Индии – Бихара, Мадхья-Прадеша, Раждастана и Уттар-Прадеша в 1980-е гг. – Ашиш использовал слово «бимару» (с хинди оно переводится как «больной»). «Я прибегаю к нему, готовя проект для Раджива Ганди, – говорит Ашиш, – оно очень наглядно характеризовало экономические и социальные условия именно этих штатов – они были серьезно “больны”, судя по показателям бедности, образования и здравоохранения». Ашиш также выяснил, что структура населения этих штатов сильно отличалась от южных регионов, а его численность росла гораздо быстрее. В штатах бимару сейчас живет 40 % населения Индии. Экономист Крис Уилсон заметил, что если бы Уттар-Прадеш был независимым государством, он занял бы четвертое место в мире по численности населения.

Эти северные штаты вносят наибольший вклад в рост индийского населения. За последние 30 лет уровень рождаемости в Индии упал на 40 %, несмотря на то, что южная Индия уже вышла на постоянный уровень населения. Как писал Ашиш, «подъемом рождаемости Индия обязана исключительно штатам бимару. У полумиллиардного населения на севере уровень рождаемости почти вдвое выше, чем у четвертьмиллиардного на юге»²³. Демографы Тим Дэйсон и Мари показали, что если данные по народонаселению «очистить от шелухи», то получатся два четких региона – север, где благодаря высокой рождаемости в следующие 20 лет население останется весьма молодым, и юг, где начинается быстрое старение^[39]. К 2025 г. в северных областях население останется очень молодым, с медианным возрастом 26 лет. Но медианный возраст на юге составит примерно 44 года – как в Европе в конце 1980-х гг.^[40]

Это означает, что индийский демографический дивиденд является двугорбым, и один из горбов фактически истощен. Первый горб пришел с юга и был «израсходован» в 1970-е гг. в процессе экономического роста на юге и западе Индии, когда детская смертность там начала падать. В северных штатах, однако, детская смертность только начинает снижаться^{24[41]}.

²³ Крайние значения таковы: в Уттар-Прадеше коэффициент рождаемости составляет 4,7, а в Керале – 1,8.

²⁴ Существование этих двух горбов объясняет, почему дебаты по поводу изменения (на основе данных последней переписи) доли выборных должностей в парламенте оказались такими напряженными. По Конституции доли мест в парламенте и законодательных учреждениях штатов должны корректироваться пропорционально данным о численности населения от 2001 г. Но южные районы, ушедшие вперед с точки зрения развития и демографической ситуации, с их низким уровнем рождаемости, не

В результате этот второй, более значительный горб, еще не достиг максимума. Своим существованием он обязан северным штатам, главным образом – регионам бимару. Ашиш установил, что доля одних лишь штатов бимару в росте населения между 2001 и 2026 г. составит около 50 %, тогда как доля юга – всего 12,6 %. Таким образом, в ближайшее десятилетие север окажется на гребне своего демографического дивиденда. Такой шанс упускать нельзя.

Перед закатом

Наш дивиденд в виде двойного горба – это серьезная проблема. Чтобы компенсировать старение населения на юге, Индия должна достаточно быстро обеспечить падение детской смертности и получить демографический дивиденд на севере. Промедление может создать пропасть между этими двумя горбами, в которую провалится индийская экономика.

Нам нужно действовать безотлагательно, чтобы воспользоваться сменой демографических «сезонов». Необходимо, в частности, заняться обучением молодежи северных штатов, чтобы подключить ее к процессу роста. Но, как замечает Ашиш, «в социальном плане в этих штатах по-прежнему творится страшный хаос». В Мадхья-Прадеше, например, среди детей младше трех лет 55 % страдают от голода. Это больше чем вдвое превышает аналогичный показатель для Африки южнее Сахары.

Когда речь заходит о дивиденде, демографы не устают повторять: «Шанс – это еще не факт». Страны, как и люди, бывают молодыми только раз. Если не суметь воспользоваться преимуществом, оно обернется недостатком. Демографический дивиденд несет потенциал быстрого роста и инноваций, но, если мы его не используем, он станет потенциалом глубокого социального и культурного краха.

Как говорит Дэвид, «дивиденд превращается в двигатель развития далеко не всегда». Есть страны, которые не смогли извлечь выгоду из своего дивиденда: окно было открыто, но солнце в него так и не заглянуло. Например, страны Латинской Америки, включая Бразилию, не смогли в 1980-е гг. в полной мере использовать аналогичные демографические тенденции. Для большей части Латинской Америки то десятилетие было потеряно в результате гиперинфляции и неэффективной экономической политики. Россия и Куба тоже не смогли использовать выигрыш от позитивного демографического эффекта и большого резерва молодых работников.

Если не удовлетворять потребности молодежной массы, это может привести к нестабильности и к политическому противостоянию. Последствия пренебрежения демографическим дивидендом отчетливо видны во многих странах Латинской Америки, где недовольное население обратилось к социализму и популистским лидерам.

хотят, чтобы штаты с быстрым ростом населения, вроде Уттар-Прадеша и Бихара, получали места за их счет. В соответствии с последней версией закона – Восемьдесят четвертой поправкой 2002 г. – доля мест меняется только *внутри* штатов, тогда как общая доля мест в парламенте остается замороженной до 2026 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Ved Mehta, *Walking the Indian Streets*, Little Brown & Co., 1961.

2.

Partha Chatterjee, *The Nation and Its Fragments: Colonial and Post-colonial Histories*, Princeton University Press, 1995.

3.

C. A. Bayly, *Indian Society and Remaking of the British Empire*, Cambridge University Press, 1990.

4.

Simon Schama, *Citizens*, Knopf, 1989.

5.

Arvind Rajagopal, *Politics after Television: Hindu Nationalism and the Reshaping of the Public in India*, Cambridge University Press, 2001.

6.

Paul Brass, *Language, Religion and Politics in North India*, Blackpress, 2005.

7.

Steven I. Wilkinson, «India: Consociational Theory and Ethnic Violence,» in *India and the Politics of Developing Countries: Essays in Memory of Myron Weiner*, edited by Ashutosh Varshney, Sage Publications, 2004.

8.

Isaiah Berlin, Henry Hardy and Joshua L. Cherniss, *Political Ideas in the Romantic Age: Their Rise and Influence on Modern Thought*, Princeton University Press, 2006.

9.

Bill Gates, *Harvard Commencement Speech*, June 2007.

10.

Claudia Rosett, «The Big Bailout: A Taxpayer Does the Math and Writes a Letter,» *The Rosett Report*, September 2008.

11.

«The Sleepy Country,» *Time*, September 18, 1964.

12.

George C. Marshall, *Harvard Commencement Speech*, June 1947.

13.

B. M. Bhatia, *Famines in India*, Konark Publishers, 1985.

14.

Asoka Bandarage, *Women, Population and Global Crisis*, Zed Books, 1997.

15.

Savitri Thapar, «Family Planning in India,» Population Studies 17(1), 1963.

16.

Ashish Bose, «The Population Puzzle in India,» Economic Development and Cultural Change 7(3), 1959.

17.

Clark D. Moore and David Eldridge, India: Yesterday and Today, Bantam Books, 1970.

18.

S. Chandrasekhar, «How India Is Tackling Her Population Problem,» Foreign Affairs 5(2), 1968.

19.

Indu Agnihotri, «Endurance of a Malthusian Discourse,» Review of From Population Control to Reproductive Health: Malthusian Arithmetic by Mohan Rao, Economic and Political Weekly, December 2005.

20.

Clark D. Moore and David Eldridge, India: Yesterday and Today, Bantam Books, 1970.

21.

P. N. Dhar, Indira Gandhi, the «Emergency» and Indian Democracy, Oxford University Press, 2001.

22.

Kai Bird, «Sterilisation in India: Indira Gandhi Uses Force,» The Nation, June 1976.

23.

P.N. Dhar, Indira Gandhi, the «Emergency» and Indian Democracy, Oxford University Press, 2001.

24.

Margaret Sanger and H. G. Wells, The Pivot of Civilization in Historical Perspective, edited by Michael Perry, Inkling Books, 2001.

25.

Там же.

26.

Steven Mosher, «China's 25 Year One-child Policy,» The Human Life Review, Winter, 2006.

27.

Там же.

28.

Asoka Bandarage, Women, Population and Global Crisis, Zed Books, 1997.

29.

Там же.

30.

Julian Simon, *The Ultimate Resource 2*, Princeton University Press, 1998.

31.

Charles Dickens, *Sketches by Boz*, Penguin Classics, 1995.

32.

S. Pollard, *The Genesis of Modern Management*, 1965, cited in Keith Grim, *The Sociology of Work*, Polity Publishers, 2005.

33.

Sunil Amrith, «Political Culture of Health in India: A Historical Perspective,» *Economic and Political Weekly*, January 2007.

34.

Helen (Hong) Qiao, «Will China Grow Old Before Getting Rich?» in Goldman Sachs BRICs Report, 2006.

35.

Valerie Hudson and Andrea den Boer, *Bare Branches: The Security Implications of Asia's Surplus Male Population*. BCSIA Studies in International Security, MIT Press, 2004.

36.

Myron Weiner and Michael S. Teitelbaum, *Political Demography, Demographic Engineering*, Berghahn Books, 2001.

37.

Там же.

38.

Dominic Wilson and Roopa Purushothaman, «Dreaming with BRICs: The Path to 2050,» *Global Economics Paper No. 99*, Goldman Sachs, October 2003.

39.

P.N. Mari Bhat, «Demographic Scenario, 2025,» Study #S-15, Research Projects on India–2025 conducted by Centre for Policy Research, New Delhi, July 2003.

40.

Tim Dyson, «India's Population: The Future,» in *Twenty-First Century India: Population, Economy, Human Development, and the Environment*, edited by Tim Dyson, Robert Cassen and Leela Visaria, Oxford University Press, 2004.

41.

P.N. Mari Bhat, «Demographic Scenario, 2025,» Study #S-15, Research Projects on India–2025 conducted by Centre for Policy Research, New Delhi, July 2003.